

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ

ДОЛГ
ЦЕНТУРИОНА

Леонид Викторович Кудрявцев
Долг центуриона
Серия «Центурион
инопланетного квартала», книга 2

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136457

Долг центуриона: Лениздат, «Ленинград»; СПб.; 2006

ISBN 5-289-02272-4

Аннотация

Новые приключения великолепного Беска Маршевича. Он должен поддерживать порядок и защищать закон в районе, где живет более сотни инопланетных рас. Сделать это нелегко, поскольку у каждой из них свои обычаи, своя мораль и частенько весьма своеобразные понятия о законах. А судьба, злорадно хихикая, уже приготовила встречу с самым ловким преступником во вселенной. И Беску нужно сразиться с ним не на жизнь, а на смерть, сорвать со злодея маску, до конца выполнить ДОЛГ ЦЕНТУРИОНА.

Содержание

1	4
2	18
3	37
4	57
5	72
6	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Леонид Кудрявцев

Долг центуриона

1

Под грохот литавр и гуденье дудок из-за угла выполз звездолет, сильно смахивающий на перекрашенного и лишившегося конечностей престарелого дракона. Вот он поравнялся со зданием бартузанского банка, усеянного шпилями, крохотными башенками и причудливыми карнизами в таком количестве, что ему мог позавидовать любой средневековый замок. И тут же толстяк, с маленькой, словно игрушечной головой, важно шествовавший впереди макета, остановился. Резко повернувшись на каблуках, он отчаянно замахал двумя парами рук и разразился истошными воплями:

– Стоп, стоп, я приказал остановиться! Разве это звездолет?! Где вы видели такой звездолет? Какой расе он должен принадлежать? Какой? Так, похоже, никто этого не знает! Генеральная репетиция, нечего сказать! А ведь уже сегодня вечером будет шествие...

Из макета вылезло около десятка принадлежащих к разным гуманоидным расам рабочих, среди которых было даже несколько аборигенов в неизменных балахонах с серыми ленточками. Повернувшись к толстяку спиной, рабочие

установились на макет, словно перед ними было некое диво-дивное, словно увидев его первый раз в жизни. Время от времени кто-нибудь из рабочих ошарашено чесал в затылке и тут же огорченно качал головой.

Успокоения душе толстяка эти манипуляции не принесли. Выждав пару минут, он, уже спокойным голосом, заявил:

– Кто тут старший? Кто командует этим макетом? Рабочие засуетились. Одни вооружились пластопультами и стали торопливо подновлять макет, а другие, вытащив из карманов балахонов тюбики с универсальной краской, принялись его подкрашивать.

Толстяка, очевидно командующего предстоящим шествием, это все равно не удовлетворило.

– Ну вот что, – сообщил он. – Если старший макета не объявится немедленно, я кого-нибудь из вас уволю. А потом отправлю на биржу следующего... И следующего... Пока без работы не окажетесь вы все. Макет при этом просто отправится на склад. Учтите, я могу себе это позволить. В нашем шествии уже есть три других звездолета. Но они хотя бы на что-то похожи, а этот...

Он раскинул руки и поднял голову вверх, словно пытаюсь углядеть на небе искомого старшего. Рабочие безмолвствовали. Толстяк завопил:

– Получается, никто мне так на мой вопрос и не ответит? Нет? Прекрасно, поскольку я обычно свои обещания выполняю, то начнем увольнять. Сейчас же, немедленно. Кого? А

Вот...

Рабочие удвоили старания. Очевидно, перспектива увольнения их совсем не радовала. Толстяк еще раз окинул их взглядом голодного тигра, выбирающего жертву, и вдруг, увидев меня, издал глухое рычание.

Было от чего разозлиться! Засунув руки в карманы с самым безмятежным видом, я неподвижно стоял возле макета. Ни малейшей попытки имитировать бурную деятельность.

Толстяк воспринял это как вызов.

– Вот ты, почему стоишь? – взревел он. – Нечем заняться? Я тебя увольняю!

– Неужели? – спросил я.

– Увольняю! – взревел толстяк. – Немедленно!

Я пожал плечами:

– А смысл?

– Никакого смысла. Увольняю, без выходного пособия! Немедленно, с глаз долой.

Один из рабочих остановился и хотел было объяснить своему хозяину его ошибку, но вдруг передумал и с удвоенной энергией занялся макетом.

Я подумал, что он поступил совершенно правильно. Мне все это не принесет ни малейшего вреда, а вот кто-то из его товарищей, а в первую очередь он сам, не потеряет работу.

– Что ты стоишь? – гнул свое злобный толстяк. – Бесплезно маячить у меня перед глазами. Если я увольняю, то это окончательно и бесповоротно. Смекаешь? Вон отсюда!

Я пожал плечами.

Кстати, мне тут действительно делать нечего. Так что имеет смысл отправиться позавтракать. День обещает быть хлопотным, и даже очень. Еще бы, ведь завтра большой аукцион. Такого наплыва гостей на Бриллиантовую не было ровно год.

– Эй, кто-нибудь, помогите ему уйти! Он мне мешает думать над тем, что можно сотворить с этим идиотским звездолетом. Хотя, конечно, проще всего не включать его в карнавальную процессию, а просто спалить на месте. Вот сейчас, здесь... Да, так кто-нибудь проводит этого уволенного мной типа или нет? Вы, двое, ну-ка, займитесь им! А не то...

Повинуясь приказанию, двое рабочих медленно двинулись ко мне. Оба размахивали руками, примерно так, как это делает хозяйка, желающая разогнать стаю кур, и, пользуясь тем, что их хозяин остался за спиной, а значит, не может этого видеть, усиленно мне подмигивали.

Ладно, великий звездный дух с вами, так и быть – уйду, спасу одного из вас от увольнения. Надеюсь, мне это доброе дело зачтется.

Я еще раз демонстративно пожал плечами и пошел к находившейся всего лишь в нескольких десятках шагов двери ресторанчика «Бриллиантовое меню».

Очутившись перед ней, я не удержался, оглянулся. Толстяк уже снова разорялся. Кажется, его ярость вызвала одежда одного из следовавших за звездолетом гвардейцев. Что-то

с ней было не в порядке. Вроде бы аксельбанты были расположены не с той стороны.

Вообще, как я понял, работа у этих режиссеров театральных шествий достаточно нервная, и, очевидно, до глубокой старости доживают из них лишь единицы. Впрочем, у меня тоже работа – не сахар. Совсем не сахар.

Я вошел в ресторанчик, кивнул его владельцу по имени Марноу, с увлечением наблюдавшему за тем, как хрупкая официантка-эрфийка сервирует столик для любителей джаджианской кухни, ловко и сноровисто выставляя на стол бесчисленные крохотные сосудики, судочки и чашечки со всевозможными ингредиентами, из которых сам едок должен был составить в соответствии со своим вкусом то или иное блюдо. Вот она выставила на столик дюжину крохотных тарелочек, содержимое которых отличалось лишь едва уловимым оттенком синего цвета. Причем, судя по тому, что хозяин ресторанчика одобрительно хмыкнул, выставила она их правильно, в надлежащем порядке. Насколько я знал о джаджианской кухне, правильно сервированный стол значил в ней не меньше, чем качество продуктов, а также их цвет.

– Как дела? – спросил я Марноу.

– Может, и не так плохо, как мне казалось час назад, – буркнул тот, не отрывая глаз от тоненьких, мелькавших с умопомрачительной скоростью ручек эрфийки. – Что будешь есть?

– Как обычно, – сказал я.

– Ровно через пару минут тебя обслужит новая официантка. Если, конечно, она за это время не допустит ни одной ошибки. В том случае, если это случится, то тебя обслужу лично я.

– Как я понял, девочка со способностями?

– Да, кое-какие есть. По крайней мере, она способна в должном порядке выставить «воспоминание о море, в предзакатное время». Если она еще сумеет как надо расставить чашечки с «предчувствием долгожданного и радостного вкушения пищи». Если она справится и с этим... Короче, конец – делу венец.

Я присел за свободный столик и, сунув руку в карман, попытался нащупать коробочку с сигаретами. И конечно, ее там не оказалось. Несколько секунд я пытался сообразить, где же я мог ее посеять, а потом вдруг вспомнил, почему их у меня нет, и вполголоса чертыхнулся.

Мараск, помощничек. Он все-таки вчера меня доконал и заставил бросить курить. Пришлось мне, после торжественного выкуривания последней сигареты, отправить почти полную коробочку в зев утилизатора, а потом начать праведную, здоровую жизнь без табака, без этого жуткого наркотика, безвозвратно уничтожающего клетки мозга и отнимающего не менее пяти лет от моей жизни, и без того чрезвычайно короткой.

Я поморщился.

Вот только... интересно, сколько лет жизни у меня отни-

мет с таким трудом подавляемая тяга к курению? Наверняка более чем пять лет. Впрочем, я дал слово, я поклялся, что более курить не буду, и, значит, ничего не остается, как терпеть.

Я окинул взглядом ресторанчик. Посетителей было немного, что, несомненно, объяснялось всего лишь ранним часом. Вот немного попозже здесь будет не продохнуть. А завтра, когда начнется большой аукцион, Марноу, для того чтобы разместить всех желающих, придется выставить на улицу, на мостовую, дополнительные столики.

– Ваш завтрак.

Улыбка у эрфийки была чуть холодноватая, но все же удивительно красивая. Я посмотрел на Марноу, и тот, одобрительно кивнув, показал мне большой палец.

Ага, значит, новая официантка показала отменную выучку и была принята на работу. Вот и прекрасно. За нее можно порадоваться.

Еще бы можно было выкурить одну сигаретку. Всего лишь одну... и более – ни-ни...

Я тяжело вздохнул и, пододвинув к себе тарелку с супом из пряных мидий, осторожно его понюхал.

Да, все верно. Судя по легкому специфическому запаху, исходящему от супа, мидии для его приготовления были взяты очень свежие, выловленные не более суток назад. И на кухню «Бриллиантового меню» их доставил никак не абориген. Ни один из них не смог бы за такой короткий срок до-

браться в город с побережья. Нет, это сделал один из жителей инопланетного квартала, и, кажется, я знаю, кто именно...

Что в этом такого особенного? Ну, привез кто-то свежих пряных мидий, сдал их в пару ресторанчиков и заработал на этом некоторую сумму денег. Каким образом это должно касаться меня, что в этом плохого? И все-таки это меня касалось. Хотя бы потому, что я знал, кто из мыслящих мог привезти мидий, и что еще он мог делать на побережье, кроме сбора моллюсков. А если мои догадки верны...

Я испытующе посмотрел на Марноу.

Вот любопытно, так ли уж случайно тарелка именно этого супа оказалась у меня на столе? Вся проблема в том, что суп из пряных мидий не совсем подходит под определение «как обычно». Нет, конечно, иногда я его заказываю, но не так часто. И можно предположить... А что именно? Зачем хозяину ресторанчика устраивать неприятности тому, кто снабжает его очень ценными мидиями? Для того чтобы более их никогда не получать? И все-таки...

Так, стоп, стоит ли сейчас об этом думать? Рано или поздно все встанет на свои места. Главное только держать руку на пульсе событий.

Я съел ложку супа и одобрительно крикнул. Вкус был отменный, тот самый, который и должен быть у настоящего супа из пряных мидий. И, кстати, если я выполню свою работу надлежащим образом, такой супчик мне откусать придется очень даже нескоро. Может, в этот раз стоит пренебречь? А?

Нет уж, если я наплюю на свою работу один раз, то это неизбежно случится и во второй, третий, а там, глядишь, и вовсе окажешься не у дел. Я должен, я обязан посетить одного своего знакомого, большого любителя пряных мидий, а также не совсем законных операций с личинками бриллиантовых муравьев. Но только для начала нужно позавтракать.

Я ел суп и несколько рассеянно думал о личинках бриллиантовых муравьев. Как давно я интересовался ими всерьез? Года полтора назад? Нет, сталкиваться с ними мне приходилось и раньше, но вот именно всерьез я занялся ими тогда. Даже прочитал о них весьма объемную, научную книгу. Знал бы я, чем это закончится...

Хотя чем это могло закончиться тогда, полтора года назад? Ну конечно, достаточно профессионально проведенным визитом в банк, в котором эти личинки хранились. Я его совершил, при этом допустив одну небольшую ошибку, и в результате оказался на Бриллиантовой, застрял здесь вот уже на полтора года. Кстати, а согласился бы я ее покинуть?

Любопытно, вот об этом я не думал. В самом деле, что меня держит на Бриллиантовой? Работа. А еще? Деньги у меня есть, и, будь возможность отправиться попутешествовать... Ах да, есть еще мои старые грехи. Рад бы в рай...

Звон бьющейся посуды!

Я оторвался от размышлений и, оглядев зал рестораника, обнаружил двух посетителей, тianца и ирмуриянина, судя по всему, прибывших на Бриллиантовую либо вчера, ли-

бо сегодня, с расчетом побывать на большом аукционе, с чего-то надумавших устроить ссору, причем именно в том ресторане, в котором я решил позавтракать.

Прыткие ребята. И главное, как вовремя они решили выяснить отношения!

Впрочем, чаще всего подобные ссоры заканчиваются всего лишь включением в счет стоимости уничтоженной посуды. И значит, пока тревогу бить еще рано, можно даже продолжить завтрак.

Я съел несколько ложек супа и снова взглянул на ссорящихся.

– Ты бесчестное создание, – верещал одетый в серебристый комбинезон тианец. – И если будешь еще маячить у меня перед глазами, я убью тебя с большой радостью, такой же примерно размерами, как доброта могучего звездного утконога.

Кончики ушей у него буквально полыхали синевой, и это означало, что он не шутит. Кстати говоря, тианцы очень похожи на обычных людей, и я смог определить, к какой расе он относится, лишь по ушам.

Покрытый короткой зеленой шерстью ирмуриянин был тощим, словно кошелек окончательно разорившегося торговца инопланетными диковинами. Он был выше среднего человека раза в полтора, а голову имел сплюсненную с боков, словно у древнего инка.

Большой силы, скорее всего, у него не было. Однако в наш

век боевых симбиотов и увеличивающих силу имплантатов, а также самого экзотического оружия, разрабатываемого и производимого на сотнях и сотнях миров галактической федерации, гарантированно предсказать исход схватки между этими двумя скандалистами не решился бы никто. Если, конечно, до нее дойдет, в чем я сильно сомневался.

– Ах, так? – проскрежетал ирмурянин. – Десять поколений моих предков...

– Ты хочешь узнать больше о своих предках? Изволь. Они были жалкими тварями, неспособными даже вытащить из норы астероидного червя. Но это безусловно мелочи, а вот...

Да, дело принимало серьезный оборот. Если в ход пошли предки, шансы на примирение ссорящихся уменьшились весьма ощутимо.

И почему многих мыслящих так задевают нелицеприятные упоминания об их предках? Меня вот, например, ничуть не трогает, если кто-то при мне начинает разглагольствовать, что моим предком была грязная обезьяна, прыгавшая по деревьям, поедавшая гнилые бананы и с удовольствием вычесывавшая блох. Хотя... может, люди все-таки произошли не от обезьян?

– Десять поколений моих предков назад на твоих соплеменников охотились, даже не подозревая, что они обладают разумом. Что немудрено, поскольку оснований для подобных подозрений они не подавали. И если...

– Значит, ты осмелился оболгать моих благородных пред-

ков? Ты осмелился открыть свое ротовое отверстие и...

– А ты... а ты...

– То, что я сказал, на самом деле...

– Да мне плевать!

– Нет, ты должен услышать о своих предках...

– А ты... хочешь я перечислю всех твоих псевдоотцов?

Первый из них был разлагающийся на ходу от старости, тупой как пень...

– Так вот, они, эти предки, кормились преимущественно...

Последний посетитель ресторанчика расплатился и поспешно выскользнул на улицу. Теперь в зале остался только я, Марноу, два ссорящихся мыслящих и официантка. Кстати, она устроилась рядом с дверью на кухню и наблюдала за развитием событий с неподдельным интересом. Я вспомнил, что эрфи славятся как очень умелые, отчаянные воины, и на мгновение испугался, что малышке взбредет в голову связаться в назревающую драку. Но нет, кажется, я ошибся. Вот она резко выдохнула воздух и слегка привалилась к двери, как бы продемонстрировав, что намерена удовлетвориться всего лишь ролью наблюдателя. Марноу, кстати, этой ролью ограничиваться явно не собирался. Он выудил из-под стойки шок-дубинку. Мы обменялись с ним взглядами, и он несколько расслабился.

Я подумал, что, похоже, не успею даже доест суп. А жаль. Он очень вкусный, и если учесть, что именно такой суп я

смогу вновь попробовать еще нескоро... Нет, эти двое не очень умных мыслящих устроили ссору совсем не вовремя.

– Вранье, наглое вранье! – воскликнул тианец.

– А вот и нет! Хочешь, докажу?

Голос у ирмуриянина был тонким и мелодичным. Я не уловил в нем даже намека на страх.

– Ну, попробуй, попробуй...

– А вот сейчас...

– Да неужели?

– Конечно!

– Ах, ты...

– Да я...

– Ну...

Тианец взревел и, схватив стул, шагнул к ирмуриянину. Тот, зашипев, словно рассерженный кот, выхватил из складок просторной, смахивающей на хитон одежды нож с коротким, угольно-черным лезвием. Я знал, что таким ножом можно запросто резать сталь толщиной в два пальца.

Так, в ход пошло холодное оружие. А значит, настала пора что-то предпринимать. Еще немного, и два мыслящих, прилетевших на нашу планету купить несколько личинок бриллиантовых муравьев, разнесут заведение Марноу и ухлопают друг друга.

Прощай, суп из пряных мидий, прощай надолго. Здравствуй, вполне реальная возможность получить черный клинок под ребро.

Я резко встал и крикнул:

– Именем закона, приказываю всем оставаться на своих местах!

– А это еще кто? – прорычал тианец.

– Прошу прощения, – промолвил я. – Но более никто из вас ничего никому таким образом не докажет. Единственной особой, которой здесь, в инопланетном районе планеты Бриллиантовой, разрешено применять силу, причем на законных основаниях, являюсь я. Вы сейчас нарушаете закон. Советую сдать оружие и успокоиться.

– Ты не в форме, – прошипел ирмурянин. – Значит... Ты центурион?

– Он самый. Центурион инопланетного района. Я представился. А вы кто?

– Наемный охранник, – сообщил своему противнику ирмурянин. – Это не настоящий страж порядка. Его можно не бояться.

Я покачал головой.

Похоже, дылда окончательно утратил умение реально воспринимать действительность. Впрочем, как оказалось, тианец обладал еще меньшим количеством здравого смысла, чем его противник. Окинув меня яростным взглядом, он проревел:

– Ты почему мотаешь головой, словно глупый слизняк-трупоед? Напекаешь, что она у тебя лишняя? Если так, то я готов прямо сейчас ее оторвать.

Я тяжело вздохнул.

А ведь этот типчик крепко закусил удила. Проще всего дать ему попытаться меня убить и, обороняясь, уложить на месте. Вот только после такого поступка меня перестанут уважать. А центурион, потерявший уважение своего района, должен сразу же уволиться. Толку от него все равно не будет никакого. Да и сам тианец, я был в этом уверен, уже минут через пять одумается и раскается в своем поведении. Тианцы, они такие. Быстро заводятся, но и быстро остывают.

Итак, пять минут... тяжелая задача. Особенно если принять во внимание ирмуриянина. Тот вроде голову еще не потерял, соображать способен. Это и опасно. Такие как он способны в любой момент выкинуть какой-нибудь пакостный фокус. Моральный кодекс ирмуриян подобное вполне допускает. И значит, его из поля зрения нельзя выпускать ни в коем случае. Он в этой парочке самый опасный.

– ... и не только вызвать тебя на бой, чтобы доказать свою правоту, но и оплатить твои похороны, которые, несомненно, понадобятся, – закончил тианец.

– Вот как? – подчеркнуто миролюбивым тоном сказал я. – Это с твоей стороны более чем благородно. Но только имеет ли смысл делать подобные траты? Не лучше ли сэкономить?

– Нет! – прорычал тианец.

– А почему? Ты чертовски богат?

– Да!

– Ну, так это ненадолго. Если ты сейчас же не изменишь

кое-какие свои, касающиеся наличности, принципы.

– Что?

– Я говорю, что, действуя подобным образом, ты очень скоро разоришься.

– Тебя это не должно волновать, поскольку...

– Да зачем ты тратишь на него время? – встрял ирмуриянин. – Не видишь, он тебе просто заговаривает зубы? Давай лучше забудем о нем, обсудим условия поединка и, не тратя время зря, примемся за дело. Обещаю за минуту изрезать тебя на тысячу кусков.

Я ухмыльнулся.

Теперь стало окончательно понятно, кто является настоящим зачинщиком ссоры. Но зачем она так нужна ирмуриянину? Что он с ее помощью рассчитывает выиграть?

Кстати, он только что допустил большую ошибку. Обратился к рассудку тианца, попытался вернуть его к нормальному разговору. Если это у него не получится, то я продолжу с тианцем пререкаться и буду тянуть время. Если получится, то можно попытаться на него надавить, так, как это умеет по отношению к любому нарушителю закона любой страж порядка. Чем это закончится, угадать нетрудно. У меня, как у каждого стража порядка, был большой, накопленный за прошедшие полтора года, опыт навязывания своей воли разным драчунам и грубиянам. Этим же гаврикам хотя бы раз в жизни, но наверняка приходилось в подобных обстоятельствах уступать стражу порядка. Если вдуматься, это

не такое маленькое преимущество. Называется оно – стереотипное мышление. Согласно стереотипам, в подобных ситуациях стражи порядка, как правило, выигрывают, должны выигрывать. И баста.

– Хм... зубы заговаривает?

– Думаешь, нет? – промолвил ирмурянин. – Кстати, еще он тянет время. Давай не будем его терять. Итак, ты упоминал о вызове на бой и об оплате похорон. Если ты не передумал, а мне кажется, ты не передумал, то я...

– Он передумал, – уверенно сказал я.

– Неужели? – издевательски протянул ирмурянин.

– А если нет, – промолвил я, – то обязательно сейчас передумает.

– И заставишь его это сделать ты?

– А кто иначе?

– Центурион инопланетного района?

– Именно, – подтвердил я и тоном заправского зануды продолжил: – Центурион инопланетного района планеты Бриллиантовая, того самого района, в котором вы сейчас находитесь. Если вы не в курсе, то могу объяснить поподробнее свои обязанности. Центурион обязан следить за соблюдением порядка и законности в своем инопланетном районе. В том случае, если кто-то не желает соблюдать законы, находясь на территории вверенного его попечению района, центурион имеет право восстановить законность любым способом, вплоть до применения оружия. Конечно, если наруши-

тели перешагнули определенную границу. К вашему сведению, вы оба движетесь к ней на всех парах и, похоже, вовсе не собираетесь останавливаться.

Я сделал паузу на пару секунд, чтобы смысл моих слов дошел до этой парочки бузотеров получше, и добавил:

– Впрочем, может быть, я ошибаюсь, и оскорбления, которыми вы осыпали друг друга, нельзя принимать всерьез, а упоминания о поединке и похоронах не более чем невинная шутка?

Я совершенно недвусмысленно предлагал им вполне пристойный выход из создавшегося положения. Если они его выберут, то, можно сказать, отделаются легким испугом. От них потребуется всего лишь возместить хозяину заведения разбитую посуду, упущенную прибыль и дать мне обещание не возобновлять военных действий в пределах инопланетного района. Немного денег и обещание, лишь чуть-чуть ограничивающее их свободу.

– Он так шутит? – поинтересовался тианец.

– Конечно, – с готовностью подтвердил ирмуриянин. Это была еще одна его ошибка. Теперь ему можно было инкриминировать подстрекательство к неповиновению стражу порядка. А значит, его личный комплект преступлений только что еще увеличился.

– Ну, тогда я вырву у него все его поганые сердца, сколько бы их ни было! – взревел тианец и бросился на меня.

Симбиот включился вовремя, и, видя, как медленно,

словно во время подводных съемок, на меня надвигается рослая фигура тианца, я порадовался тому, что не пожалел на него денег. Старому симбиоту для того, чтобы включиться на полную мощность, требовалось некоторое время. Этому – нет.

Итак, тианец был всего в паре шагов от меня, и стул, казавшийся в его руках детской игрушкой, должен был вот-вот опуститься мне на голову, но это меня волновало не сильно. Сделав шаг в сторону, я легко увернулся от невыразимо медленно опускающегося стула, и вдруг заметил, что ирмуриянин тоже на всех парах торопится ко мне. Причем вот у него-то движения ничуть не замедлились, а это могло означать только одно. Мелкий подстрекатель тоже обладал симбиотом, причем классом не ниже моего. Положение усугублялось черным клинком, нацеленным не в спину тианцу, как можно было бы предположить по предыдущим событиям, а прямо мне в живот.

Скверно, очень скверно. Рассчитывать на помощь хозяина рестораника не имело смысла. Для него, не обладающего симбиотом, наш поединок представляется всего лишь мельканием смутно различимых теней. Таким образом, здесь, в ускоренном времени, не было ни помощников, ни свидетелей. Только мы, один на один. Нож, способный рассечь что угодно, против висевшего у меня на поясе «кольта». И «кольт» здесь сильно проигрывал. Ну, хотя бы потому, что пуля для обладающего симбиотом летела настолько медлен-

но, что, при наличии форы в виде некоторого расстояния и хорошей реакции, от нее можно было увернуться.

Если только стрелять в упор... Но кто мешает ирмуриянину при близком контакте пустить в ход клинок?

Я подхватил со стола кувшин с розовым сиропом и метнул его в ирмуриянина. Тот небрежно от него уклонился, и кувшин с треском разбился о стену, оставив на ней пятно Роршаха, очень сильно напоминающее ухмыляющуюся самым издевательским образом рожицу. Впрочем, каждый в пятнах Роршаха видит то, что ему более всего хочется в данный момент видеть. Возможно, для кого-то другого это пятно показалось бы сильно смахивающим, например, на биокорабль, приготовившийся к посадке на болотистую планету...

Некогда мне было рассматривать какие-то там пятна. Надлежало спасти свою шкуру, а в таких обстоятельствах не до психоанализа.

Отпрыгнув от черного клинка, прорезавшего воздух на расстоянии ладони от моей груди, я один за другим швырнул в ирмуриянина три стула. С легкостью от них увернувшись, противник снова взмахнул клинком. Спрятавшись за большой, рассчитанный на десяток клиентов стол, я выхватил кольт и спросил:

– Похоже, ты решил меня прикончить? Или мне это только кажется?

– Возможно, – промолвил ирмуриянин. – Рассчитываешь, что я начну бегать за тобой вокруг стола, как герой дешевой

комедии?

– А что, не будешь?

– Нет, проще сделать так.

Ирмуриянин два раза махнул клинком, и из крышки стола выпал приличных размеров кусок. Еще несколько взмахов, и крышка стола, за которым я прятался, значительно уменьшилась. Пришлось выстрелить, но большого толку это не принесло, поскольку, как я предввдел, противник от пули увернулся. Правда, кое-что я все-таки выиграл. Ирмуриянин прекратил кромсать стол и теперь настороженно следил за моей правой рукой, в которой был зажат револьвер, пытаюсь угадать, когда я в следующий раз нажму на курок.

– Ну, что же ты больше не стреляешь? – спросил он.

– Выстрелю. Еще успею, – пробормотал я.

– И снова промахнешься.

– Ты уверен?

– Конечно. А потом, когда у тебя патроны кончатся, я тебя прирежу. В любом случае скоро один из нас отправится в мир лучший, в мир иной. Мне кажется, это буду не я. А ты как думаешь?

– А я думаю, ты ошибаешься, – заявил я.

Вообще-то ирмуриянин просчитал ситуацию более-менее точно. У меня осталось пять патронов. Если я не сумею попасть в этого гаденыша, то останусь против него безоружным, с голыми руками против черного клинка. Почти наверняка – смерть. И значит...

Я хмыкнул.

А ведь ирмуриянин просчитался только в одном, но несомненно важном пункте. Он совершенно забыл о тианце. Очевидно, по мнению ирмуриянина, тот, увидев, как мы оба активизировали симбиотов, должен был застыть столбом и не вмешиваться в драку.

Как бы не так.

Тианец все еще продолжал со скоростью улитки размахивать стулом. И конечно, ни мне, ни ирмуриянину он навредить не мог никак, если только... А что, почему бы и нет? Чем черт не шутит, когда бог спит?

Как раз в этот момент тианец находился шагах в двух позади ирмуриянина, и, что самое важное, стул его вот-вот должен был пойти вниз. Если заставить противника сделать два шага назад и еще полшага вправо, то стул попадет ему точнехонько по голове. Но как этого добиться?

А вот как!

Все это немного походило на бильярд. Надо было выстрелить так, чтобы, уклоняясь от пули, ирмуриянин оказался точно в нужном месте.

Я выстрелил. Мелкий убийца отпрыгнул назад и вправо. Отлично! Теперь еще шаг вперед и выстрел, на этот раз в другую сторону. Противник соответственно отпрыгнул опять назад и влево.

Все, он на месте. А теперь...

Я выстрелил ирмуриянину под ноги, и тот, конечно, под-

прыгнул, навстречу опускающемуся на его голову стулу...

В общем, я зря боялся. Все прошло как по маслу. Стул разлетелся на кусочки, голова ирмуриянина уцелела, но сознания он лишился, похоже, надолго. Прежде чем его тело опустилось на пол, я уже был рядом и вырвал из его безвольной руки черный клинок.

Вот теперь можно было дать симбиоту мысленный приказ выключиться.

Окружающий мир вновь приобрел нормальную скорость. Официантка едва заметно улыбнулась, Марноу открыл рот, очевидно собираясь сказать нечто интересное, возможно, даже меня поблагодарить, а тианец... Я едва успел отпрыгнуть в сторону.

Ну да, все верно. Тот продолжал буйствовать, и теперь, вооружившись еще одним стулом, все еще пытался испытывать на прочность мой череп.

Нет, парень, так не пойдет. Ни в коем случае.

Преследуемый но пятам размахивающим стулом драчуном, я метнулся к стойке, за которой стоял Марноу, мгновенно выхватил у него шок-дубинку и с разворота ткнул ей в живот таинца. Послышался треск, и тот рухнул как подкошенный.

Вот так-то.

Я вернул Марноу дубинку, положил на стойку черный клинок и, тяжело отдуваясь, прислонился к стойке спиной. Спустя пару секунд над моим плечом возникла рука хозяина

заведения. В ней был стакан с гликом, местным вином, обладающим отменным вкусом и, кроме того, свойством быстро восстанавливать силы.

Вот в этом я нуждался, и даже очень.

– За счет заведения, – промолвил Марноу. Я кивнул и сделал большой глоток.

Вино было просто превосходным, явно не из той бутылки, из которой он наливал заезжим туристам, неспособным отличить хороший глик от какой-нибудь бурды, вроде «сладко-промачивающего горло тиронского» или «настоящей, терпкой, стопроцентно защищенной законом от подделки хронской амброзии». Защищенные законом от подделки... Как же. В тех случаях, когда защита законом не подкреплена действиями стражей порядка, он стоит весьма и весьма недорого.

– Как думаешь, у них хватит денег, чтобы оплатить мои убытки? – спросил Марноу.

Я окинул взглядом два распростертых на полу тела и подумал, что расслабляться еще рановато. Да, конечно, мне повезло, и я, несмотря на усилия своих противников отправить меня в страну теней, остался в живых. Однако это не значит, что я теперь до скончания века имею право манкировать своими обязанностями. Более того, во время схватки с этими двумя драчунами я истратил столько энергии своего симбиота, что тому на ее восстановление потребуется не менее двух суток. Все это время мне придется либо рассчиты-

вать на свои силы, либо использовать симбиот самое краткое время и не на полную мощность, иначе это может закончиться чем-нибудь скверным, вроде его частичного саморазрушения. Легкие, болезненные, но постепенно затихающие покалывания под правой лопаткой, там, где симбиот находился, служили этому подтверждением.

Между прочим, если дуэт мыслящих, с которым мне только что пришлось сразиться, очнувшись до того, как я его упакую в наручники, вздумает продолжить драку, мне будет не сладко. И значит, труба играет атаку, а усталый ветеран, успев сделать из живительного ручейка всего лишь один глоток, должен вновь вскочить на коня и ринуться в бой.

Я еще раз глотнул из стакана, поставил его на стойку и кивнул Марноу на черный клинок:

– Спрячь его пока, ладно?

Клинок мгновенно исчез.

Ну, вот и ладно. А теперь надлежит выяснить, с кем мы, собственно, имеем дело, и также неплохо было бы установить кредитоспособность этих двух любителей бузить в тех местах, в которые обычные мыслящие приходят всего лишь попить и поесть.

Я приступил к обыску.

Судя по документам, ирмуриянина звали Кроун-ар-зоп, и на своей планете он работал всеблагим торговцем божественными дарами, а также был по должности средним осматривающим священных ресниц великого всевидящего

глаза. Что эта последняя должность означает, я, конечно же, не имел ни малейшего понятия. А вот – первая...

Хм... с чего бы это почтенного торговца потянуло на подобные подвиги? А может, у них звание всеблагого торговца божественными дарами означает нечто иное? Возможно, вполне возможно. И до этого ли сейчас?

Кстати, на всекредитной карточке ирмуриянина лежала кругленькая сумма. Это радовало.

Я сделал Марноу знак, означавший, что все в порядке, и тот, правильно его истолковав, заметно повеселел. Сунув документы и всекредитную карточку в карман ирмуриянина, я вытащил парочку живых наручников.

Собственно, название этой штуки говорило само за себя. Ее вывели на одной из планет галактической федерации. Какой именно, я забыл, да и не очень хотел запоминать. Главное, эти штуки были способны достаточно плотно охватывать конечности любой толщины и формы, разорвать их было почти невозможно, а снять их мог только тот, на чей генетический код они были настроены. В данном случае, поскольку эти наручники принадлежали мне, то на мой. Кроме того, живые наручники обладали еще одним интересным и важным свойством. Тот, на кого они были надеты, мог запросто делать медленные движения, растягивая перемычку между браслетами сколько угодно, при этом не испытывая тех неудобств, которые приносили допотопные, стальные наручники, но не мог сделать ни одного резкого движения.

Первое же движение со скоростью больше, чем у прогуливающейся улитки, приводило к тому, что перемычка между наручниками становилась крепче стали. Эластичность к ней возвращалась только через минуту, не раньше.

Ну, а оказать сопротивление представителю закона, если ты не имеешь возможности делать резкие движения, довольно затруднительно.

Я перешел к тианцу.

Имя у него было очень коротким и звучало на всегалакте как «Хи». Правда в придачу к нему была тоже целая куча каких-то странных и непонятных титулов. Кстати, денег у этого типчика на всекредитной карточке тоже было немало, и когда я сообщил об этом Марноу, тот совершенно расслабился. Даже приказал официантке приготовить и держать наготове два стакана освежающего напитка из ягод эюпсоного дерева, мотивируя это тем, что он здорово помогает при травмах головы и облегчает страдания познакомившихся с шок-дубинкой. Возможно, он даже не врал. По крайней мере, его шок-дубинку, судя по ее внешнему виду, пускали в ход достаточно часто, и кто именно это делал, догадаться было нетрудно.

Снабдив браслетами и тианца, я вернулся к стойке и, вытащив бормоталку, спросил у Марноу:

– Как я понимаю, тебя совершенно удовлетворит полное возмещение ущерба?

– Не только материального, но и морального, – очень живо

заявил владелец ресторанчика.

Я покачал головой:

– Кажется, ты решил ободрать этих двух драчунов как липку. Не так ли?

– А почему бы и нет?

– Ты в полном своем праве. Однако совету мыслящих инопланетного района эта ситуация может не совсем понравиться. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Что именно?

– Да, конечно, эта парочка нарушила закон и нанесла тебе материальный ущерб. Однако они приехали на Бриллиантовую для того, чтобы участвовать в большом аукционе. Они потратили некоторое время на дорогу, и она им стоила каких-то денег. Если они, из-за того что позволили себе несколько расслабиться и из-за излишней жадности одного владельца ресторана не смогут купить пусть даже самой заухудалой личинки бриллиантового муравья, то уедут с нашей планеты страшно недовольными. И каждый из них, вернувшись на свою родную планету, способен растрезвонить всем и каждому из своего народа, что на Бриллиантовой обращаются с гостями не самым лучшим образом. Понимаешь, что я имею в виду?

– И таким образом, наша планета может запросто испортить отношения с двумя другими планетами, – закончил Марноу.

– Вот именно.

– Ты-то сам в это веришь? В то, что какая-то планета способна отказаться от сотрудничества с Бриллиантовой из-за того, что на ней обошлись с одним из ее обитателей по всей строгости закона?

Я пожал плечами:

– А разве таких случаев не бывает? Галактика огромна, и в ней может произойти все что угодно. Кроме того, этот случай на родной планете одного из этой парочки драчунов могут использовать всего лишь как предлог для искусственного охлаждения отношений с нашей планетой. Вообще, межпланетная политика – дело темное, и в ней возможно все. Ну, и напоследок могу сообщить тебе, что они не совсем простые мыслящие. Один из них аж средний осматривающий божественных ресниц великого священного глаза. Не знаю, что это означает, и сильно сомневаюсь, что знаешь ты. Однако он вполне может оказаться значительной особой. У второго этих титулов, как блох на бродячем сухопутном осьминоге.

– И что дальше? – спросил хозяин ресторана.

– Ты можешь, конечно, пренебречь моим предостережением, но я могу тебе сразу сказать, что в том случае, если твоя жадность приведет к нежелательным последствиям, это не понравится совету мыслящих нашего инопланетного района. А он, в наказание и чтоб другим неповадно было, способен, например, отобрать у тебя лицензию на ведение дел на Бриллиантовой. Хочу напомнить, что тому, кто ее лишится, она никогда более не может быть выдана. Понимаешь, о чем

я говорю?

Я сделал еще один глоток из стакана с гликом и облоко-
тился на стойку.

За что я уважаю Марноу, так это за решительность. Для
того чтобы обдумать мои слова, ему хватило всего полминуты.
По прошествии этого времени он сказал:

– Ладно, пусть будет только материальный ущерб.

– Умно, – одобрил я.

– И возмещение упущенной выгоды. Ты видел, из-за скан-
дала мое заведение покинуло восемь клиентов.

– Шесть. Я их посчитал.

– Хорошо, пусть будет шесть.

– Договорились?

– Ладно, договорились.

После этого я набрал на бормоталке номер председателя
совета мыслящих инопланетного района, в обязанности ко-
торого, кстати, входило также отправлять правосудие в по-
добных случаях, и сообщил ему о случившемся.

Выключив бормоталку, я сунул ее в карман и, сделав без-
результатную попытку нащупать в нем коробочку сигарет,
чертыхнулся.

Ах да, я же бросил курить. Чертов Мараск, как это меня
угораздило попасться ему на удочку?

– Сигарету? – предложил Марноу.

– Нет, со вчерашнего дня не курю, – мрачно сказал я.

– О-о-о... – протянул хозяин ресторана. – Это серьезное

решение. Как правило, оно требует большой силы воли.

— Не очень, — сказал я. — Вот придерживаться его — требует.

— Да, — улыбнулся Марноу. — Тут ты прав.

Я хлебнул из стакана и в который уж раз попытался понять, почему я до сих пор не расстался со своей работой. Кто мешает мне плюнуть на нее и растереть? Деньги? Деньги у меня есть, и немалые. Конечно, за последние полтора года у меня были приличные траты, включающие, например, в себя нового симбиота. Однако некоторая сумма, для того, чтобы безбедно прожить до конца дней своих в каком-нибудь дальнем уголке галактики, на моей всекредитной карточке еще лежит. Что тогда меня держит в этом районе, как не деньги? Чувство долга перед моими нанимателями? А почему? Ничем особым я им не обязан. Более того, если уж на то пошло, обзавелся я этой работой вопреки собственному желанию. А значит...

Ирмуриянин шевельнулся и издал звук, смахивающий на стон. Похоже было, что он собирается в скором времени прийти в себя.

Я подумал, что с удовольствием бы задал ему несколько весьма интересных вопросов. Вот только он наверняка не пожелает на них ответить. И заставить его быть откровенным у меня в данный момент нет никакой возможности.

А я хотел бы, очень хотел бы узнать, кто и зачем устроил это покушение на мою жизнь. В том, что это именно покуше-

ние и именно на меня, я был почти уверен. Слишком все было хорошо разыграно. Прямо как по нотам. Демонстративная ссора при свидетелях, и на глазах центуриона, который, в силу своих служебных обязанностей должен вмешаться, а потом бой с использованием симбиотов, вроде бы у всех на глазах, но в то же время один на один, поскольку никто из свидетелей из-за скорости, с которой двигаются сражающиеся, ничего точно утверждать не решится. Бой, в котором смерть центуриона можно, без малейшего риска быть разоблаченным, объявить случайностью, конечно, очень неприятной, но все же случайностью. Потом в ход пойдут деньги, связи, кто-то надавит на кого-то, а совет мыслящих инопланетного района Бриллиантовой решит, что не имеет смысла раздувать большой скандал, поскольку это может отрицательно сказаться на доходах, и вот виновник моей смерти уже вышел сухим из воды.

Да и почему бы нет? Ведь убийство-то было непреднамеренным?

Я допил глик и поставил пустой стакан на стойку.

И все-таки, кому так сильно хотелось меня убить, что он решил это сделать таким сложным и дорогим образом? У кого на это хватит денег? И с какой целью? Если нет какой-то личной причины, то это убийство ради выгоды. А какую выгоду можно извлечь из смерти самого обычного центуриона, пусть даже и центуриона инопланетного района планеты Бриллиантовая?

3

Глава совета мыслящих инопланетного района был назарунец, и звали его Дагай Каача. Маленький, благодаря расцветке шерсти смахивающий на бурундука, он семенящей походкой вошел в ресторан и быстро огляделся. Шагнув к стене, в которой остались дырки от выпущенных мной пуль, он внимательно их осмотрел, потом взглянул на висевший у меня на поясе «кольт», степенно разглядел длинные зеленые усы и спросил:

– Так, значит, небольшое нарушение общественного порядка?

– Вот именно, – подтвердил я. – Небольшое, учитывая завтрашний аукцион.

– Ах, вот так?

– Угу.

Назарунец поводил по сторонам остреньким носиком, потом подошел ко мне почти вплотную и вполголоса, так, чтобы не слышали задержанные, спросил:

– Оплатить ущерб они в состоянии?

– Более чем.

– Но ты сомневаешься, что они это пожелают сделать?

– Вероятно.

– Хм... в таком случае, нам ничего не остается, как попытаться взыскать его обычным способом. Не так ли?

– Нам приходилось это делать не раз. Причем, если совет мыслящих считает, что с них имеет смысл спросить на полную катушку, я возражать не буду.

– На этом настаивает хозяин заведения?

– Он не прочь, но на худой конец может обойтись и рядовым возмещением ущерба, а также упущенной выгоды. На моральном он более не настаивает.

– И это неплохо, поскольку завтра большой аукцион. Ну, ты сам понимаешь...

– Понимаю.

– В таком случае, остался лишь последний вопрос. Какие именно у тебя к ним претензии и в какую сумму они выльются?

Я ухмыльнулся.

Нет, назарунец кто угодно, но только не дурак. У дурака шансов попасть на его место столько же, сколько их у того, кто пытается выиграть в федеральную межпланетную лотерею, не купив ни одного ее билета.

– Возможно, претензии у меня и есть...

– Будешь предъявлять им какие-то обвинения, кроме стандартного сопротивления стражу порядка?

– Нет.

– Почему?

– Это мое дело.

– Вот как? – Да.

Не мог же я ему объяснить, что обвинить ирмуриянина в

покушении на мою жизнь не смогу. И основной этому причиной является отсутствие свидетелей. Проще говоря, пока на весы правосудия я могу положить против его слов только свои. Слова против слов, а поскольку мы перед законом равны, то перевеса не получится. Вот если я соглашусь на сканирование памяти...

Кстати, любой другой центурион должен был согласиться на эту процедуру, не моргнув глазом. Более того, раз процедуре сканирования памяти подвергнутся обе стороны, с ее помощью можно узнать, кто именно приказал ирмуриянину меня убить и почему.

Правда, на сканирование памяти я не соглашусь ни в каком случае. Если это произойдет, то сканирующий комп махом вылушит из моей памяти не только сведения о схватке в ресторане, но и о кое-каких прошлых делах, совершенных мной еще до того, как волею невероятного стечения обстоятельств я стал центурионом. А вот этого мне не хотелось, совсем не хотелось, пусть даже в результате придется отпустить безнаказанным мыслящего, намеревавшегося меня самым тривиальным образом выпотрошить.

Я хмыкнул.

Тот, кто спланировал это покушение, должен был принять какие-то меры на случай, если оно не получится? Правильно, должен. Но не принял. Может, он знал, что я боюсь сканирования памяти как черт ладана? И откуда он мог это узнать?

Ох, все-таки как-то с моим развеселым прошлым это по-

кушение связано. Еще бы узнать – как.

– Не хочешь объяснить мне, что здесь в самом деле произошло? – спросил назарунец.

– Не хочу, – промолвил я. – Да и ничего здесь такого не было.

– В самом деле?

– Конечно.

Эти мои слова были подкреплены самым чистым и правдивым взглядом в глаза, на который я был способен.

Назарунец издал какой-то странный писклявый звук и, повернувшись ко мне боком, стал рассматривать тианца и ирмуянина.

Я подумал, что, возможно, необходимо было ему рассказать все, до конца. Нет, безусловно, он знал о моем прошлом, о моих неладах с законом, и даже представлял, какого рода эти нелады. Однако о том, что его величество закон не знает о некоторых моих подвигах... Может, настало время покаяться хотя бы перед назарунцем?

Я оценивающе посмотрел на Дагай Каача.

Он был очень хорошим главой совета мыслящих инопланетного района. Его предшественник, Юк Медок, являлся редкостным негодяем и имел скверную привычку время от времени, если из этого можно было извлечь выгоду, кого-нибудь убивать. Это он, полтора года назад, в тот момент, когда у меня на хвосте сидела парочка федеральных агентов с обвинением в ограблении банка, буквально заставил ме-

ня стать центурионом инопланетного района на Бриллиантовой. При чем вакансия центуриона оказалась свободной лишь потому, что трех предыдущих стражей порядка, как потом оказалось, ухлопали по приказу все того же Юка Медока. Как ни странно, оказавшись в этой ловушке, я выжил и даже сумел избавить совет инопланетного района от его преступного главы навсегда. Каким именно образом – долго рассказывать. Главное, назарунец стал главой совета мыслящих фактически благодаря мне и, значит, был мне кое-чем обязан. Кроме того, методы, которыми запросто пользовался его предшественник, он не одобрял. И все-таки назарунец был, так же как и Юк Медок, главой банка, финансистом и, значит, в конечном итоге основной для себя целью считал получение выгоды, в любых ситуациях, в которых это возможно, и особенно в тех, в которых это вроде бы нельзя.

Нет, сообщить такому мыслящему о том, где у тебя находится уязвимое место, было бы верхом неосторожности.

– Прекрасно, – промолвил назарунец, обращаясь к двум бузотерам. – Прежде всего мне хотелось бы вам представиться. Зовут меня Дагай Каача. Я являюсь главой совета мыслящих инопланетного района планеты Бриллиантовая. Кроме всего прочего, я выполняю функции местного судьи и имею право судить и миловать мыслящих, находящихся на территории нашего района, причем могу выносить приговоры вплоть до лишения права на жизнь. Вы понимаете, что я имею в виду?

Он сделал достаточно эффектную паузу, давая нарушителям закона время обдумать его слова.

Те обдумали.

Я мог бы поспорить, что более всего им не понравились упоминания о приговорах, связанных с правом лишения жизни. Между прочим, назарунец их ничуть не обманывал. Он имел такое право и даже за последние полтора года один раз им воспользовался. Конечно, тот случай был из разряда неординарных, но, еще раз повторяю, глава совета мыслящих инопланетного района не соврал ни в одном слове.

Ирмурянин вдруг напыжился, словно индюк, и промолвил:

– А ты не обманываешь? Я хмыкнул.

Наш любитель размахивать черным клинком выбрал для себя неправильную линию защиты. Она ему не поможет, как не помогла многим до него.

– У меня вид мыслящего, способного на обман? – ласково спросил Дагай Каач.

– Ну-у-у... я усмотрел в вашем заявлении некоторую неувязку.

– В чем же она? – слегка улыбнулся назарунец.

Должно быть, в данный момент он ощущал примерно то же, что ощущает старая, опытная кошка, углядевшая мышонка, решившего на ее глазах покинуть норку, вооружившись плакатиком с текстом в защиту мелких грызунов от произвола крупных, полосатых хищников.

– Я являюсь подданным великой планеты ирмуриан, имеющей в своем распоряжении, смею вас уверить, великолепно вооруженный флот. И если мне попытаются нанести хотя бы малейший вред, то через очень короткий период времени наш флот будет на орбите вашей ничтожной планеты, для того чтобы использовать всю свою мощь для защиты своего подданного от правового беспредела.

Тианец тоже решил не оставаться в стороне и заявил:

– Правительство моей планеты не оставит без внимания преследования, которым на вашей планете подвергся честный торговец, приехавший всего лишь ради приобретения партии личинок бриллиантового муравья.

– Так, понятно, – холодно промолвил Дагай Каач. – Беск, отметь одно оскорбление нашей планеты, совершенное при свидетелях. Думаю, оно послужит основой для отдельного разбирательства и, соответственно, дополнительного приговора. Что дальше?

– Это какое такое оскорбление? – поинтересовался ирмурянин.

– Ну, вы назвали ее «ничтожной планетой», – уточнил Дагай Каач. – Впрочем, к этому мы вернемся немного погодя. А пока – продолжайте. Итак, как я понял, стоит вам свистнуть, и все вооруженные силы ваших планет окажутся на орбите Бриллиантовой. Верно?

Ирмурянин прикусил губу:

– Ну-у-у... я не имел в виду...

Я подумал, что враг смешался и вот сейчас самое время несколько сократить разделявшую нас дистанцию. Словно прочитав мои мысли, иазарунец перешел на «ты».

– А что ты имел в виду, когда делал подобные заявления, да еще при свидетелях? – почти ласково спросил он.

– Каких таких свидетелях? – Ирмурянин тоже незамедлительно перешел на «ты». – Ты, центурион твой, да еще пара жителей твоей планеты. Все вы лица заинтересованные.

– Ну почему? Есть еще и тианец. Кроме того, ты не думаешь, что в спорном случае для установления истины хватит обычного сканирования памяти?

– Я не являюсь служащим федерации, я всего лишь частное лицо, и поэтому никто не в силах заставить меня пройти сканирование памяти. Только – добровольно.

– Э, нет, тут ты не прав. Ты обвиняешься в нескольких преступлениях, в том числе в оскорблении планеты Бриллиантовой и сопротивлении центуриону инопланетного района. Я не говорю уже о разрушениях, – назарунец обвел лапкой зал ресторана. – И значит, как обвиняемому в довольно серьезных преступлениях, от сканирования памяти тебе отвертеться не удастся.

Я кивнул.

Ловушка захлопнулась. Сейчас оба любителя устраивать бузу в ресторанах чужих планет начнут осознавать, что именно им грозит. Конечно, если у них на совести какие-нибудь мелочи, вроде воровства пары ирисок в глубоком дет-

стве из ближайшего магазинчика, то им нечего бояться. Комп учтет давность лет, небольшую величину ущерба и, скорее всего, отпустит им эти незамысловатые грехи. Однако если на совести тianца и ирмуриянина есть нечто более серьезное... а у ирмуриянина, как мне кажется, список нарушений закона достаточно обширный. И уж наверняка он готов выложить достаточно солидную сумму для того, чтобы этой процедуре не подвергаться.

Наблюдая за тем, как назарунец безупречными доводами разрушает оборону все еще отчаянно сопротивляющегося противника, я слегка улыбнулся.

Кстати, а ведь Дагай Каач блефует больше, чем даже об этом подозревает. Он и не подозревает, что если дойдет до сканирования памяти, то я вынужден буду снять все обвинения.

Может, я все-таки правильно сделал, что не посвятил его в такие тонкости? Хотя сколько бы веревочке ни виться, а концу обязательно быть. И значит...

Нет, до тех пор, пока я нахожусь в должности центуриона, пока меня защищает иммунитет стража порядка Бриллиантовой, преследование федеральных властей мне не грозит. И вроде бы, открыв кое-какие факты из моей прежней жизни, я ничем не рискую.

Но тут есть одна любопытная деталь.

Федеральным агентам свойственно делить преступников по категориям. Официально мне сейчас могут предъявить

обвинение всего лишь в одном преступлении. И значит, я прохожу по списку мелких сошек. Это дает шансы, при желании, затеряться в галактических просторах бесследно, не сильно беспокоясь о погоне. Но вот если сканирование выявит весь список моих преступлений... Вот тогда федеральные агенты обложат Бриллиантовую со всех сторон, и уйти от них не будет никакой возможности. Конечно, Бриллиантовая не является одной из планет-тюрем, и жизнь у меня на ней хоть и напряженная, но не такая уж плохая. Однако само осознание, что я никогда не смогу покинуть то или иное место, превратит его в подобие тюрьмы, и этого не искупят никакие удобства.

А что, если в будущем мне позарез захочется переселиться на тихую аграрную планету, для того чтобы провести остаток своей жизни, сидя в плетеном кресле на крыльце небольшого уютного домика, обозревая расстилающиеся до самого горизонта поля, засеянные синтекукурузой или суперпшеницей, и чувствуя в душе невообразимый покой?

Я хмыкнул.

Ладно, хватит о грустном. Не пора ли оторваться от своих скорбных раздумий и прислушаться к разговору главы совета мыслящих инопланетного района и парочки ресторанных хулиганов? Возможно, при этом мне все-таки удастся найти ответ на так интересующий меня вопрос?

Я шагнул поближе к назарунцу. Дела у него обстояли не самым худшим образом. Враг уже был наголову разбит, бес-

порядочно отступал, бросая технику, оружие и знамена, в ужасе давя собственный обоз и союзников, мечтая только о том, чтобы спасти свою жалкую жизнь.

– И вот тогда вы совершенно распоясались и решили слегка поразвлечься?

– Ну... эта... – протянул ирмурынин.

– Я спрашиваю: и вот тогда вы решили поразвлечься? Не слышу ответа!

– Хм... ну, мы... эта...

– Так, значит, решил запираться?

– Да нет... я – всегда.

– В таком случае ответь мне на один простой вопрос. Кто из вас первым начал ссору?

– Это он, это – тианец.

– Что-о-о-о?! Я?! Да это же он, он сам первым мне сказал, что мои предки...

– Врет, все он врёт. Всем известно, что тианцы самая подлая и лживая раса во всей федерации.

– А он... а он...

– Тихо! Обоим – молчать! Это уже был назарунец.

Я подумал, что маленький, похожий расцветкой на бурундука назарунец наверняка кажется этим двум мыслящим, один из которых, кстати, совсем недавно пытался меня убить, существом гигантского роста, способным запросто такими, как они, пообедать.

Забавная штука – восприятие. А может, мы на него спи-

сываем слишком многое? Может, окружающий нас мир отнюдь не так стабилен, как мы думаем? А живое, мыслящее существо, вопреки всем физическим законам способно, в зависимости от выделяемой им психической энергии, становиться для одних мыслящих высоким, одновременно в тот же момент для других, на которых этой энергии совершенно не расходует, оставаясь маленького роста?

Но я, кажется, опять отвлекся... Не стоит ли вернуться к нашему убийце-непрофессионалу? Кстати, а почему бы и нет?

То, что ирмуриянин не профессионал – видно невооруженным глазом. Какой профессионал станет, как герой стариной книги, гоняться за своей жертвой с огромным черным кинжалом? Нет, конечно, профессионал имеет право на определенные причуды. Однако есть одно условие. Эти причуды не должны мешать работе. Иначе допускающий их не профессионал, а жалкий фигляр. Убийца же, предпочитающий многим и многим видам отнимающих жизнь вещей, которыми буквально кишит федерация, архаичный и не очень удобный кинжал, совершает поступок более легкомысленный, чем это свойственно профессионалам.

– А потом он нехорошо отзывался о твоих предках?

– О, да. Он отзывался о них не очень хорошо.

– Но ты ведь не думаешь, что это освобождает тебя от ответственности за содеянное? Не так ли?

– В какую сумму это мне выльется?

– Другими словами, сидеть ты не желаешь, но согласен оплатить все возможные убытки?

– У меня не так много денег...

– Значит, придется сидеть до тех пор, пока эти деньги не выплатит правительство твоей планеты.

– Что?

– Ну, то самое, которое при малейшем ущемлении твоего права безобразничать где угодно и каким угодно образом пошлет к Бриллиантовой весь свой флот.

– Хм... а велика ли сумма? Я покачал головой.

Нет, ирмуриянин кто угодно, только не профессионал. Слишком нервничает, слишком легко сломался. С другой стороны, действовал он согласно неплохо придуманному плану и если бы выбрал более серьезное оружие, то мог бы запросто меня прикончить.

Что получается? Правильно. Непрофессионал, действующий по неплохо разработанному плану. Кем разработанному? И опять, чем я этому «кому-то» мог помешать?

Вот вопросы, на которые я хотел бы получить ответ немедленно. Да только вряд ли это получится. В будущем...

– Итак, наши веселые друзья согласны оплатить все убытки! – возвестил назарунец. – Будем считать?

– Будем, обязательно будем.

Последнюю фразу, конечно, произнес хозяин ресторана. Кто же еще?

– Хорошо, начнем с вас, – промолвил Дагай Каач и лю-

безно улыбнулся Марноу. – В какую сумму вы оцениваете ущерб?

– Он просто ужасен. Я разорен, да и только, – хозяин ресторана в полном отчаянии развел руками, – Мебель, посуда, стены... а посетители, покинувшие мой ресторан с намерением более в него не возвращаться? Кроме того, если распространится слух, будто посетители в моем ресторане подвергаются опасности...

– Сумма?

Марноу бросил на меня вопросительный взгляд. Я знал, о чем он хотел бы меня спросить, и отрицательно покачал головой.

Нет, и еще раз – нет. Владельцы ресторанов не вправе претендовать на возмещение морального ущерба. Это наша с Дагай Каачем политика, и она вполне оправданна. Ну конечно, в данном конкретном случае двух бузотеров можно было запросто дожать до выплаты и этой компенсации.

Однако, по трезвому размышлению, подобного делать нельзя. Иначе возникнет то, что называется прецедентом. Следующий владелец ресторана, в котором очередные приезжие мыслящие «слегка пошалят», будет требовать моральной компенсации более настойчиво, мотивируя это тем, что Марноу ее заплатили, а он лично ничуть не хуже. И следующий, и следующий... До тех пор, пока все-таки не случится ситуация, при которой мы действительно испортим отношения с одной из планет – покупательниц личинок бриллиан-

товых муравьев, и это, конечно, принесет убытки... Дальнейшее уже известно.

Марноу бросил умоляющий взгляд на назарунца, и тот тоже покачал головой.

Хозяин ресторана обиженно поджал губы и назвал сумму. Если она и превышала ту, в которую я мысленно оценил полученный им ущерб, то ненамного.

Дагай Каач благосклонно кивнул и повернулся к нарушителям спокойствия:

– Эй, вы слышали?

Те чуть ли не хором сообщили, что эта сумма им вполне по зубам и они ее за возможность снять с себя все обвинения могут заплатить хоть сейчас.

– Это еще не все. – сказал назарунец и повернулся ко мне. – А ты, Беск, что скажешь?

– Думаю, – промолвил я, – этой суммы и в самом деле хватит.

– Ты не понял. Я хочу знать, в какую сумму ты оцениваешь свои претензии к этим двум мыслящим?

– Я протестую! – вскричал тианец. – Это чистой воды взятка.

Ирмуриянин молчал, похоже сообразив, о чем идет речь.

Я подумал, что это довольно удобный случай выяснить, знает ли он о моем «веселом» прошлом. И раз подвернулся шанс это сделать, то почему бы не попытаться?

– К одному из них, – уточнил я.

Назарунец довольно улыбнулся, обнажая маленькие, острые клыки.

– Вот как? Значит, к одному из них у тебя все же какие-то финансовые претензии есть? Как я понял, он проявил некоторую непозволительную прыть?

Я внимательно наблюдая за ирмуриянином, и от меня не укрылось, как у того едва заметно изменился цвет кожи. Она стала более темной, а это, как я знал, у его расы являлось признаком сильного страха. Результат, на который я и рассчитывал. Если ирмуриянин боится, значит, не знает о том, что я не смогу выдвинуть против него более-менее обоснованное обвинение. И стало быть, к моему прошлому нападение отношения не имеет.

Получается, оно связано с настоящим, с моим пребыванием на Бриллиантовой? Кому же это я так здесь насолил? А может, это предупреждение? О чем?

Я вздохнул.

Ну, так гадать можно хоть до скончания века.

– Беск, не трани время. Скажи мне, будешь ли ты предъявлять хотя бы одному из этих двух шалопаев обвинение, чем-то отличающееся от стандартного сопротивления представителю закона?

Вот как, значит, «совершенно распоясавшиеся негодяи» уже превратились просто в «шалопаев»? Неплохой результат согласия расстаться с некоторой суммой денег.

– Нет, – сказал я. – Только стандартное обвинение. Цвет

кожи ирмуриянина снова изменился. Кажется, теперь он испытывал удивление и радость.

– Ты уверен? – спросил назарунец.

– Конечно.

Дагай Каач развел лапками:

– Хорошо. Стандартное обвинение и, соответственно, штраф тоже в размере стандартной суммы.

– Это все? – унылым голосом спросил тианец.

– Еще самую малость, – улыбнулся назарунец. – К этим двум суммам следует добавить...

– Ох... что именно?

– Ну, конечно, судебные издержки.

Какие еще издержки? Откуда они могли взяться?

– Ну, как же? Ваше небольшое дельце отняло у меня некоторое количество времени. А надо вам сказать, что я, кроме всего прочего, еще и владелец одного из крупнейших банков этой планеты. Мое время стоит дорого, и бесплатно я им не разбрасываюсь.

– И сколько всего? Назарунец сказал.

Ирмуриянин с готовностью вытащил всекредитную карточку. Тианец глубоко задумался.

Честно говоря, мне его было почти жаль. Собственно, во всей этой истории вина его состояла лишь в том, что он оказался в одном ресторане с ирмуриянином и поддался на его ловкую провокацию. Впрочем, такая ли уж это малая вина? Так ли уж невинен тот, кто поддается на любую глупую про-

вокацию и готов крушить направо и налево, на радость первого попавшегося провокатора? Может, эта история добавит тианцу немного ума?

– Если желаете сэкономить деньги, то приговор может быть заменен отсидкой в тюрьме и общественно-полезными работами, – промолвил назарунец.

– Ладно, платить все равно придется, – доставая всекредитную карточку, промолвил тианец.

Под бдительным контролем Дагай Каача оба нарушителя порядка прошествовали к стойке, передали свои карточки Марноу, и тот снял с них необходимую сумму. Часть ее поступила на счет ресторана, а часть в банк назарунца.

– Вот и все, – радушно сказал владелец ресторана, возвращая карточки их владельцам. – С этого момента вы вновь свободные мыслящие и можете вкушать радости жизни. Правда, я бы посоветовал вам в дальнейшем более тщательно соразмерять свои желания с возможностями вашего кошелька.

Лицо у него было абсолютно бесстрастно, но, мне кажется, его так и распирало желание улыбнуться и подмигнуть двум любителем побуянить.

– Не совсем, – сказал тианец. – Мы еще не совсем свободны.

– Центурион, – официальным тоном приказал назарунец. – Снимите с них наручники.

– Будет исполнено, – не менее официальным тоном ска-

зал я и подошел к двум вновь вернувшимся в лоно законопослушных граждан федерации мыслящим.

Несколькими секундами позже я сунул наручники в карман и отступил в сторону. Марноу кивнул официантке, и та поднесла тианцу и ирмуриянину по стаканчику эюпсоного сока.

– Помогает от головной боли. – объяснил Марноу. Тианец свой стакан выпил, ирмурияин даже не сделал попытки отведать сока. Похоже, он не доверял хозяину ресторана, а может, у него просто не болела голова. На разных мыслящих шок-дубинка действует по-разному.

– Все, теперь мы можем идти? – спросил тианец.

– Да, конечно, – промолвил назарунец. – Вы совершенно свободные мыслящие и можете заниматься чем угодно.

Сказано это было с легкой улыбкой, но даже невооруженным взглядом было заметно, что более парочка любителей заниматься физическими упражнениями в ресторанах его не интересует. Конфликт разрешен, деньги получены, пора вернуться в банк и заняться обычными делами.

Ирмуриянин боязливо шагнул к двери и все-таки, прежде чем выйти, не выдержал, оглянулся. Я ему ободряюще улыбнулся и сказал:

– Надеюсь, мы еще встретимся. Скоро. В более мирной обстановке. И кстати, с такой рожей, как у тебя, я бы не советовал садиться играть в покер.

Ничего мне не ответив, ирмуриянин слегка съежился и

быстро шмыгнул на улицу. Тианец последовал за своим приятелем с такой прытью, словно по пятам за ним гналась парочка залманских демонов. В окна было видно, что они, выскочив из ресторана, поспешно разошлись в разные стороны.

– По стаканчику? – предложил мне Дагай Каач.

– Почему бы и нет?

Мы прошли к бару, и, пока Марноу наливал нам, я еще раз подумал, что причины этого странного покушения со временем станут мне известны.

Нет ничего тайного, что рано или поздно не стало бы явным. Особенно здесь, в инопланетном районе.

Назарунец уехал в свой банк, а мы еще немного постояли у стойки и обменялись кое-какими мыслями о случившейся в его ресторане потасовке. Потом я допил свой глик, попрощался с Марноу и вышел на улицу.

Ничего особенного за то время, пока я находился в ресторане, на ней не случилось. Толстяк-режиссер будущего карнавала все так же разорялся. Причем число его рабочих несколько уменьшилось. То ли он их послал куда-то по делу, то ли все-таки уволил. Впрочем, поскольку увольнение ассистентов не являлось нарушением закона, меня это не сильно интересовало.

Я машинально пошарил в кармане в поисках сигарет и, в очередной раз вспомнив, что бросил курить, разочарованно чертыхнулся.

Все же вот сейчас закурить сигарету было бы... Нет, ничуть не славно. Ничуть.

Какой-то абориген, судя по нашитым на его балахоне серым ленточкам, являющийся отщепенцем, шагнул ко мне и промолвил:

– Ден-н-ги... зарабо-тать... ден-н-ги...

Я вытащил из кармана монетку, одну из тех, что держу как раз для такого случая, и подал ее ему.

– За-ара-бот-тать?

Я покачал головой и сказал:

– Не надо. Потом, когда-нибудь.

Абориген издал низкий звук, напоминающий пчелиное жужжание, и отошел в сторону.

Вот такие дела. Обратная сторона цивилизации. Хотя цивилизации ли? Я бывал на многих планетах, и везде, без исключения, в окрестностях каждого космопорта, даже на планетах, считающихся оплотом цивилизации, обязательно, стоит остановиться для того, чтобы закурить сигарету, как обязательно почувствуешь осторожное прикосновение к своему локтю и чей-нибудь, с трудом выговаривающий слова на вселинге, голос задаст наводящий вопрос о совсем крохотном займе, который будет возвращен неизвестно когда и неизвестно где.

Так ли виновата в этом цивилизация? А может, все дело в другом? Как известно, в каждом племени, как бы стабильно и хорошо оно ни существовало, всегда найдется один-два мыслящих, желающих отыскать какую-то новую, более интересную жизнь, готовых ради нее на все. И могут ли они не отреагировать на космопорт, словно по мановению волшебной палочки появившийся неподалеку от места их обитания?

Ну конечно, эти непоседы рано или поздно бросают свое племя и отправляются устраиваться в мире, манящем их не только новизной, но еще и вполне реальными чудесами, всевозможными диковинами и удивительной пищей. Единицы

из них, наиболее смышленные и талантливые, и в самом деле находят в этом мире свое место, какая-то часть возвращается в родные пенаты, для того чтобы взбудоражить рассказами очередную партию желающих попробовать новой жизни, а остальные, не обладающие надлежащими способностями для того, чтобы найти себе хоть какое-то постоянное занятие, но не имеющие сил признать свое поражение и уйти, остаются жить возле космопорта и заниматься тем, чем занимается этот абориген.

Так ли уж виноваты в этом те, кто построил космопорт и принес на планету цивилизацию? Может, это изначальная жажда любого мыслящего: узнать нечто новое, необычное?

Кстати, особенно хорошо моя теория проверяется здесь, на Бриллиантовой, поскольку здесь ни о какой экспансии цивилизации в отношении аборигенов не может быть и речи. Есть космопорт и находящийся возле него инопланетный район. Все остальное, вся планета, принадлежит аборигенам, и никто не делает даже попытки на нее посягнуть. Почему? Ну, хотя бы потому, что это заранее обречено на провал. Вот аборигены, не те, которые крутятся возле космопорта, а настоящие, живущие по «старинке», если пожелают, если используют кое-какие свои возможности, могут запросто посягнуть, например, на несколько ближайших планет. И не без успеха. К счастью, им это даже не приходит в голову. А у жителей инопланетного квартала после парочки эксцессов, случившихся во время первых разведывательных высадок на

планету, хватает ума не беспокоить аборигенов. Пусть только исправно приносят хорошо обработанные личинки бриллиантовых муравьев. Это единственный продукт экспорта с планеты, но он настолько ценен, что весь огромный инопланетный район, в котором живут почти восемь десятков видов мыслящих, существует лишь ради него.

Короче, если разобраться, инопланетный район на Бриллиантовой является всего лишь обычным старательским поселком. И пусть на его улицах не увидишь бородатых и полупьяных знатоков золотиносных жил, с мешочками, набитыми под завязку золотым песком, зато каждый второй его житель прекрасно разбирается в межпланетных финансово-торговых операциях, а каждый первый может сообщить вам о видах, стоимости и методах определения свойств личинок бриллиантовых муравьев столько, сколько нет и в самой подробной общегалактической энциклопедии. А какие страсти вокруг пресловутых личинок разгораются? Точно такие же, какие разгорались в старательских поселках, еще на старушке Земле, вокруг золотых самородков или особо крупных алмазов. Причем довольно часто методы воздействия те же самые. Нет, на первый взгляд наш район совсем не похож на поселок старателей, но по своей сути... Ну да ладно, не стоит отвлекаться. Вернемся к личинкам бриллиантовых муравьев.

Почему они так ценятся? Да, конечно, они усеяны великолепными бриллиантами, из-за чего и получили свое на-

звание, но главная их ценность в другом. Личинки обладают разнообразными и необычными, можно сказать, чудесными свойствами. Одни из них, например, улучшают здоровье того, кто их с собой носит, другие могут несколько повысить удачу в азартных играх, третьи способны воздействовать на погоду так, что их владелец реже, чем все остальные, подвержен связанным с ней неприятностям, вроде дождя и града, четвертые обладают еще более удивительными свойствами. Ну и, конечно, с увеличением числа личинок увеличивается и их воздействие. Таким образом, браслет или ожерелье из правильно подобранных личинок является мечтой многих и многих мыслящих. Вот только позволить себе нечто подобное может не каждый, поскольку личинки стоят баснословно дорого.

Я еще раз безрезультатно обследовал свои карманы и, конечно, не обнаружив в них сигарет, потопал прочь от ресторана. Ноги сами несли меня по привычному, хорошо отработанному за полтора года маршруту.

К магазину крабианина, в котором любой желающий турист мог купить неплохие личинки, а потом к бывшему ползуианскому банку Юка Медока, теперь, после его разорения, перекупленному, и дальше, дальше... Но сначала нужно проверить, как обстоят дела у крабианина, заодно задать ему парочку вдруг появившихся у меня вопросов и посмотреть, как он на нихотреагирует. Причем я уже сейчас могу предположить, что они ему не совсем понравятся. Нет, даже не

предположить, а сказать это почти наверняка.

Бронепленки витрин магазина крабианина Имлука светились сапфиром; толстенькие, слегка смахивающие на бочонки, охранявшие входную дверь, колонны отливали перламутром, а крыша резала глаза сочным апельсиновым цветом. Короче, магазин был раскрашен так, что не мог не привлекать к себе взгляды туристов, падких на все яркое, словно вороватые астероидные летунчики.

Подойдя поближе, я ощутил запах. Он не был резким или слишком уж сильным, не было в нем и той приторной сладости, которая в первую секунду вам безумно нравится, а во вторую начинает невыносимо раздражать. Нет, это был очень качественный запах, дающий любому покупателю понять, что именно здесь его обслужат самым лучшим образом.

Я покачал головой.

Да уж, в чем, в чем, а в настройке синтезатора запахов Имлук был большим мастером. И не только в этом. Впрочем, иначе он не удержался бы здесь, на Бриллиантовой, дольше недели.

Я шагнул к двери, и она, открывшись, в достаточной мере радушно и с необходимой толикой достоинства меня поприветствовала. А стоило мне оказаться внутри магазина, как тотчас зазвучала тихая, умиротворяющая музыка, очевидно призванная внушить гипотетическому покупателю, что он оказался в высшей степени солидном магазине.

Вот только лично я покупателем не был. И еще я кое-что знал о том, каким образом крабианин зарабатывает свои деньги. Не те, которые он получает с наивных туристов, позволяющие ему вполне сносно существовать на Бриллиантовой, а другие, так сказать, дополнительный заработок.

Именно поэтому, едва войдя в магазин, я сейчас же сказал устремившемуся мне навстречу Имлуку:

– Не надо музыки и прочих охмуряющих штук, ладно? Других покупателей в магазине нет, а я ничего приобретать у тебя не собираюсь.

Имлук взмахнул рукой, и музыка смолкла.

– Как же так? – спросил он. – В таком великолепном магазине, как мой, и ничего не купить? Взгляни вон на ту витрину. В ней находится личинка, обладающая просто уникальными свойствами, причем, благодаря невероятной, просто чудовищной удаче, ее свойства как нельзя лучше подходят центуриону инопланетного района. Как ты думаешь, в чем они состоят?

– Не имею представления, – сказал я, бросив мимолетный взгляд на витрину.

Личинка и в самом деле выглядела неплохо. Большая, заманчиво поблескивающая украшавшими головку и грудь бриллиантами, казавшимися еще крупнее на фоне покрывавшего витрину вишневого бархата, она казалась воплощением мечты любого желающего приобрести хорошую личинку.

Вот только меня сейчас личинки не интересовали. Я зашел в магазин Имлука совсем по другому поводу.

– Нет, ты только посмотри на нее. – От воодушевления длинные моржовые усы крабианина топорщились, словно у матерого котищи. – Она идеальна. Она само совершенство. И если у тебя хватит терпения...

Я поморщился и сказал:

– Нет, не хватит. А вообще, я хотел задать тебе пару вопросов.

– Какие могут быть вопросы? – возмутился Имлук. – Ты посмотри на это совершенство. Знаешь, какие у нее свойства? Она почти на десять процентов увеличивает у своего владельца возможность определять, какие эмоции к нему испытывают другие мыслящие. В том числе и страх. Понимаешь?

– Нет, – сказал я.

– Ну как же... Если кто-то тебя боится, то, значит, у него нечиста совесть. С этой личинкой ты гораздо точнее сможешь определять преступников. Здорово, а? И стоит это сокровище так мало, что, отдавая его, я подрываю благосостояние своего магазина. Однако для хорошего мыслящего, для настоящего центуриона мне ничего не жалко. Совсем ничего.

Пора было брать быка за рога.

– А я бы хотел поговорить с тобой о твоей поездке на побережье, – промолвил я. – Мне кажется, тебе есть в чем по-

каяться. Не так ли?

Имлука было не так-то легко прошибить.

– Между прочим, – сказал он, делая вид, будто не слышал моих слов, – она протестирована самим старейшиной дома кремниидов, мастером Прайдером. О чем вот тут даже имеется соответствующая бирочка. И это очень много значит. Как ты знаешь, никто так не разбирается в личинках бриллиантовых муравьев, как кремнииды.

Я был само терпение.

– Так как, Имлук, поговорим о твоей недавней поездке к побережью? Эту личинку ты привез из нее?

– За полцены, – быстро сказал хозяин магазина. – Я уступлю ее за полцены, причем только тебе и более никому. Лови момент. Другого не будет.

– Неужели? – усмехнулся я. – Ну-ка, дай посмотреть.

– Сей момент!

Крабианин ужом метнулся к витрине, выхватил из нее личинку и уже через мгновение стоял возле меня. Личинка лежала на протянутой ко мне, слегка подрагивающей от возбуждения четырехпалой ладони. Я осторожно взял ее, ощутив, какая она тяжелая и прохладная, словно вырезанная из камня, и задумчиво взглянул на Имлука.

– Да, действительно, качественная личинка, и в самом деле увеличивающая способность распознавать тех, кто тебя боится. Знаешь, как я это проверил?

– За треть, – быстро сказал Имлук. – я отдам ее за треть

цены. Такое возможно только сейчас, да и то исключительно из моего к тебе хорошего отношения.

– Понятно, – сказал я и вернул личинку хозяину магазина. – Нет, не согласен.

Тот взглянул на личинку, нерешительно переступил с ноги на ногу и осторожно спросил:

– Может, тогда возьмешь ее даром?

– И даром не возьму, – сказал я. – Ты меня знаешь. Поэтому положи эту дорогую штуку на место, повесь на дверь табличку «закрито», и давай-ка мы с тобой поговорим о твоём вояже к побережью. Наверное, он был очень удачным, если ты так нервничаешь. Неужели ты не ограничился обычной контрабандной скупкой личинок, а выкинул нечто выходящее за границы своего обычного репертуара?

– Ничего не знаю. Никуда не ездил, – быстро пробормотал Имук.

Вот сейчас мне надо было бы взять паузу, закурить сигарету и дать возможность подозреваемому немного понервничать. Так я обычно раньше и поступал. Но в данный момент я бросил курить и, значит... Ничего, вместо этого я что-нибудь придумаю. Это не так уж и трудно. Кто мешает мне, например, сделать паузу и просто пройтись по магазину, делая вид, будто я разглядываю витрины?

Я так и поступил.

Причем одна витрина даже в самом деле привлекла мое внимание. Лежавшие на ней личинки выглядели просто со-

вершенством и стоили, конечно, невероятно дорого. Помещенные рядом с ними таблички сообщали об их свойствах. «Исправляет плоскостопие», «увеличивает гибкость хвоста», «уменьшает вероятность попадания в хозяина из огнестрельного оружия», «продлевает жизнь на один год».

Н-да, а ведь прожить еще один, дополнительный год не так плохо. По крайней мере, обязательно найдется кто-то, кто за подобную возможность заплатит кругленькую сумму.

Ну хорошо, вернемся к нашим баранам.

Я повернулся к Имлуку и сказал:

– Слушай, а мне ведь не так уж и трудно устроить поход по местам твоей трудовой славы. Понимаешь, что я имею в виду?

Еще бы, он это понимал. По крайней мере, об этом свидетельствовали кончики его усов, в данный момент дрожавшие, словно трава на ветру. И все же он ответил:

– Твое дело. А зачем? Что это тебе даст?

– Думаешь, аборигены станут тебя выгораживать? Откуда такая уверенность? Какой им в этом расчет?

– А зачем они должны меня выгораживать? В чем я обвиняюсь?

– Незаконная, не на своей территории, скупка личинок у аборигенов. А может, в этот раз ты придумал нечто более интересное? Э?

Я окинул Имлука испытующим взглядом и решил, что еще на полчаса его хватит. Причем это при условии, если я

буду его дожимать в обычном, привычном темпе. А вот если поторопиться, то можно все закончить минут за пятнадцать. Но стоит ли так спешить? Время у меня есть. И значит, имеет смысл сделать все не торопясь, методично, как и положено.

– Ничего «интересного» я не придумывал. И вообще, ничего у аборигенов не скупал. Так, съездил к побережью, развеялся, заодно набрал пряных мидий. С чего ты решил, будто я скупал у аборигенов личинки? Как это могло прийти тебе в голову?

Я вздохнул.

Тяжела жизнь центуриона. Почему никто не желает мне говорить правду? Почему для того, чтобы ее услышать, обязательно необходимо кого-то запугивать, ловить на слове, загонять в логические ловушки, выбраться из которых можно, лишь проговорившись? Причем вот, например, тот же Имлук прекрасно понимает, что я его все равно выведу на чистую воду, но сдаваться не собирается. Так и будет упорствовать, выкручиваться, нагло, глупо врать...

Что ж, пора начинать.

– Значит, ты всего лишь собирал на побережье пряных мидий? – спросил я.

– Ну конечно, именно за ними я и ездил, – промолвил крабианин. – Если не веришь, можешь справиться в ближайших ресторанах.

Я улыбнулся, предчувствуя, в какую ловушку вот-вот угодит мой противник. Вот еще немного, еще пара фраз, и я его

огорошу одним, весьма интересным вопросом.

– И если я обойду эти рестораны... Договорить я не успел, поскольку в моем кармане проснулась бормоталка. И конечно, это было не вовремя, ох как не вовремя.

Я вытащил ее из кармана, поднес к уху и весьма нелюбезно буркнул:

– Слушаю.

Оказалось, мое присутствие срочно требуется в гостинице «Сломанная космическая повозка». Какой-то постоялец заперся у себя в номере и не подает ни малейших признаков жизни. Хозяин гостиницы подозревает самое худшее и спрашивает разрешения взломать дверь, а также требует моего скорейшего прибытия в гостиницу.

Это было уже серьезно. Ни один хороший хозяин гостиницы не станет таким образом беспокоить своих постояльцев, не имея на это веских оснований. Хозяина «Сломанной космической повозки» я знал неплохо, и, на мой взгляд, он принадлежал именно к разряду «хороших».

– Ломайте, – сказал я, с отвращением наблюдая, как радостно встрепенулись усы крабианина. – Сейчас буду.

– Гм... Куда-то торопишься? – поинтересовался Имлук.

Я смерил его тяжелым взглядом и направился к выходу. Мне хотелось, мне очень хотелось остаться и все-таки докончить начатое дело. Правда, теперь, когда крабианин узнал, что мне нужно торопиться, он будет упорствовать и тянуть время, тянуть... А мне придется торопиться.

Ладно, я еще сюда вернусь, и достаточно скоро. И вот тогда мы разговор о поездке на побережье обязательно закончим. Но сейчас...

– Заходите еще, – с нескрываемой радостью пропел мне в спину Имлук.

Смысла в этом не было почти никакого, да и само по себе это выглядело довольно затасканно, но я все-таки остановился и, оглянувшись, сказал:

– Я вернусь. Скоро. Продолжить разговор.

Судя по поведению усов крабианина, розы, расцветшие было в его душе, несколько увяли.

Я удовлетворенно хмыкнул.

Вот так. Пусть теперь посидит, подумает над своим положением, понервничает. Авось, когда я вернусь, станет поговорчивее.

– Беск, – спросил Имлук. – Кем ты работал до того, как стал центурионом?

– Ни за что не угадаешь, – сказал я.

– Почему же? Придворным инквизитором на какой-нибудь отсталой планетке, не так ли?

– Не угадал, – сказал я.

– Неужели? – искренне удивился Имлук.

– Угу. И не угадаешь.

– А все-таки?..

– Предлагаю обмен, – сказал я. – Ты мне сейчас выдашь чистосердечное признание во всех шалостях, которые натво-

рил за время своего великого похода к побережью, а я тебе скажу, кем я был до того, как стал центурионом. Идет?

– Я что, так похож на идиота?

– По крайней мере, хоть что-то получишь взамен. Когда я вернусь, тебе придется признаться во всем безвозмездно. И ты, кстати, в глубине души это прекрасно понимаешь. Не так ли?

– Нет, не так.

– Ну смотри, я тебе предлагал...

Сказав это, я снова двинулся к двери. В тот момент, когда она передо мной гостеприимно распахнулась, Имлук сделал вторую попытку:

– Сборщик налогов?

– Гадай, гадай... Но пока еще холодно, очень холодно, – буркнул я и вышел.

Дверь пропела в мою спину нечто до невообразимости слащавое и такое же глупое, как реклама воскресного мыла. Моего настроения это отнюдь не улучшило.

Тело у хозяина гостиницы «Сломанная космическая повозка» было студенистое, бесформенное. Более всего он походил на сбежавший с противня хлебопека кусок теста жизнерадостного сиреневого цвета, с тонкими, миленькими, палевыми прожилками. Звали его Улсан-второй с четвертью, и, как ни странно, гостиница его была оборудована для приема гуманоидов.

Я подумал, что существует довольно странная закономерность, согласно которой гостиницами, барами и магазинами для гуманоидов чаще, чем это, казалось бы, должно быть, владеют уроженцы планет, на которых эти самые гуманоиды появляются весьма редко. Впрочем, может быть, их привлекает та же самая жажда удовлетворения любопытства, благодаря которому в последнее время на Земле появилось просто море разливанное всяких любителей экзотических инопланетных животных?

– Взломали? – спросил я.

Улсан-второй с четвертью издал невнятное бульканье, а потом где-то внутри у него родился голос:

– Да, взломали. Постоялец находился в номере и уже довольно приличное время назад покончил свое совместное существование с жизнью. Я правильно выразился?

– Ты хочешь сказать, что он умер? – уточнил я.

– Вот именно.

– Понятно. Кто в номере?

– Никого. Все оставлено как было.

– Это хорошо. Кстати, а зачем понадобилось взламывать дверь?

– Она была зарыта на замок изнутри. Причем ключ остался в замочной скважине.

– И в данный момент...

– Починить ее было просто. Ключ на стойке. Действительно, на стойке лежал большой медный ключ с довольно причудливой бородкой. Такими на Земле, наверное, пользовались веке в восемнадцатом.

– Какой номер? – спросил я.

– Третий этаж. Триста второй номер. Иди, я скоро там тоже буду.

Я взял ключ, сунул его в карман и пошел к лестнице. За мной хрипло дышал, булькал и медленно топал псевдоконечностями хозяин гостиницы. Я поднялся на третий этаж и вошел в номер, не дожидаясь Услана-второго с четвертью. Двигался тот медленно и поднимется до третьего этажа не скоро, а мне терять время, дожидаясь его, не было никакого расчета.

В номере ощутимо пахло горелым мясом. И не без причины. Посредине комнаты, па спине, на ухоженном, живом ковре, лежал мертвый человек. В груди у него была приличная дыра, проделанная стандартным скримером, из тех, ко-

которые входят в экипировку звездных командос, федеральных агентов и исследователей опасных планет.

Откуда я так точно знаю, чем именно эта дыра проделана? Ну, прежде всего, мне уже приходилось видеть, что может с человеческим телом сделать скример. Кроме того, в руке мертвец сжимал именно этот вид оружия, а, бегло осмотрев номер, я никакого другого не увидел. Кстати, подобный вывод подтверждал и обнаруженный мной след на покрывавшем стену весьма веселенькой расцветки керопластике. Будь луч скримера отрегулирован на большую дальность, он вполне мог вызвать пожар, а так, попав в керапластик, он настолько утратил свою силу, что выжег на нем лишь пятно размером с кулак. Причем расположение этого пятна наводило на мысль, что я имею дело с обычным самоубийством.

Да, очень похоже. Судя по расположению тела и следу на стене, владелец номера вытащил скример, встал посреди комнаты и выстрелил себе в грудь. Причем это же доказывает и закрытая изнутри дверь. Будь в номере убийца, то каким образом он мог его покинуть?

Стоп, а вот не надо только делать скоропалительных выводов, на основе первых же попавшихся под руку фактов. Для начала неплохо было бы осмотреть номер более тщательно. Кто знает, может, убийца до сих пор прячется за занавеской в ванной?

Я вытащил из кобуры «кольт» и осторожно, стараясь ступать как можно тише, начал осмотр.

Номер был не очень дорогой и, соответственно, небольшой. Он состоял из гостиной, в которой теперь лежал труп, спальни и ванной. Первым делом я, конечно, проверил ванную и убедился, что никого за занавеской в ней нет. Потом была спальня, и в ней я тоже не обнаружил ничего необычного. Осмотр личных вещей хозяина номера ответа на то, почему он прострелил себе грудь, не дал. Кстати, их было не так уж и много. Судя по всему, усопший предпочитал обходиться самым минимумом предметов обихода.

Я вернулся в гостиную и, сунув «кольт» в кобуру, еще раз ее оглядел. Теперь мне бросилось в глаза, что ожог на стене все-таки слегка высоковат. Словно бы, стреляя себе в грудь, хозяин номера слегка наклонился. Зачем ему это было делать? Хотя почему он обязан заканчивать счета с жизнью, стоя навтыжку?

Ладно, отложим пока это. Сейчас не мешает узнать, чью смерть мне придется расследовать.

Я наклонился над трупом и добросовестно обшарил его карманы. Тут меня ждал небольшой сюрприз в виде удостоверения, снабженного всеми надлежащими способами защиты, и, значит, подлинного. Благодаря этому удостоверению я узнал, что самоубийцу звали Александр Хозда. Судя по имени, он, с большой долей вероятности, был уроженцем Земли. Но главное было даже не в этом, а в самом удостоверении. В нем, кроме всего прочего, было написано, что этот самый Александр Хозда является федеральным агентом в должност-

сти легального дознавателя.

Вот это номер!

Нет, легальный дознаватель, конечно, не ахти какой высокий чин, однако... Что этот самый Александр Хозда делал на Бриллиантовой? Как давно он на нее прибыл? И почему он о своем прибытии не поставил в известность меня?

У входа в номер послышалось невнятное бульканье и медленные, тяжелые шаги.

Я встрепнулся.

Ага, вот сейчас я узнаю ответ, по крайней мере, на один из этих вопросов.

Я дождался, пока Улсан-второй с четвертью вползет в номер, и спросил:

– Этот тип, он записался, как Александр Хозда?

– Да, – пробулькал хозяин гостиницы.

Ну да, с чего бы ему менять имя? А вот, держу пари, о своей профессии этот Хозда умолчал.

– Ты знал, что он является федеральным агентом?

– Ого!

Улсан-второй с четвертью заволновался, словно море в бурную погоду. Похоже, у него это означало, что он в некоторой степени удивлен.

– Так ты знал это? – спросил я.

Когда имеешь дело не с гуманоидами, никогда не стоит целиком полагаться на их внешнюю реакцию. Если это нужно, для того, чтобы лучше понять их ответ, не вредно и пе-

респросить.

– Нет.

– Ага, понятно, – сказал я.

Ничего мне, на данный момент, не было понятно. Но зачем же об этом знать кому бы то ни было еще?

– Давно он поселился в твоей гостинице?

– Три дня назад.

Я покрутил головой.

Да, вот это уже ни в какие ворота не лезет.

Чем же он, этот федеральный агент, занимался на Бриллиантовой? Вряд ли он приехал сюда для того, чтобы просто приобрести парочку личинок бриллиантовых муравьев. Нет, это, конечно, в принципе возможно, однако... Слежка или некое тайное расследование. Вот это – более вероятно. Но за кем он должен был следить или какое дело расследовать? За последнее время на Бриллиантовой не происходило ничего необычного.

Хотя...

Я хмыкнул.

А почему бы не предположить, что федеральный агент явился на Бриллиантовую по мою душу? Может быть, кто-то из его управления все же лелеет надежду, что я вернусь к старому? Да нет, вряд ли... А хотя почему бы и нет? При чем если все обстоит именно так, то я влип. Нетрудно угадать, как отреагирует управление соблюдения федеральной законности, когда узнает, что их агент погиб на Бриллианто-

вой, причем его смерть расследует тот, за кем он должен был следить. Если эта догадка имеет под собой смысл, то в скором времени на планету приедет целый отряд федеральных агентов, и они, всеми правдами и неправдами, станут добиваться сканирования моей памяти. И если совет мыслящих инопланетного района под их давлением дрогнет...

Ладно, хватит себя пугать. Будет день – будет пища. А пока не пора ли мне заняться делом?

– Дагаю Каача уже сообщили? – спросил я.

– Да, сообщили.

– Что он сказал?

– У него какое-то важное совещание, и сразу после его окончания он прибудет. Мне кажется, новость об убитом постояльце ему не понравилась.

– И не только ему, – сказал я.

– А кому еще?

– Мне.

– А-а-а... ну да. Теперь тебе придется узнавать, как он себя убил?

– Это еще надо доказать, – буркнул я, задумчиво разглядывая лежавший в метре от трупa стул с тонкими резными ножками.

– Что это значит? Доказать? Но если Александр Хозда не сам убил себя, то кто это сделал? В комнате, кроме него, не было ни одного живого существа.

– Не знаю, – честно признался я. – Однако мне придется

проверить все возможности. Все, понимаешь?

– Понимаю, – промолвил Услан-второй с четвертью. – Это такой у вас обычай, да? Проверять все возможности, даже те, которые не могут быть? Вроде временного помрачения рассудка?

А вот это не такая и невероятная штука. Вполне возможно, федеральный агент покончил с собой в результате временного помешательства. Против этого было только одно, но достаточно веское соображение. Все федеральные агенты регулярно, кроме обязательного сканирования памяти на предмет нарушений закона, обязаны еще и проходить проверку на психическое здоровье. И, таким образом, версия о самоубийстве сошедшего с ума человека становится почти невероятной. Однако совершенно прощаться с ней не стоит. Кто знает, может, этот Александр Хозда проходил свою проверку так давно, что успел уже после нее рехнуться?

Я наклонился над стулом и, внимательно его осмотрев, еще раз взглянул на труп.

А ведь этот стул лежит здесь не случайно. И вообще, зачем его опрокинули? Как это получилось? Может быть, Хозда опрокинул его перед тем, как выстрелить себе в грудь? Но зачем? Неужели нельзя было его обойти?

Я выпрямился и рассеянно зашарил по карманам в поисках сигарет.

На первый взгляд, опрокинутый стул служит доказательством теории о помешательстве самоубийцы. Так и пред-

ставляется, как он, сойдя с ума, бесцельно кружит по комнате, даже не замечая этого, опрокидывает стул и потом убивает себя. Таким образом, на стул более внимания обращать не стоит. Хотя...

Кстати, я ведь не проверил еще одно, вполне естественное предположение.

Только сейчас сообразив, что сигарет у меня в кармане нет и быть не может, я прекратил их поиски и двинулся к ближайшему окну. Через пару минут, обойдя один за другим все окна в номере, я убедился в том, что они хорошо закрыты. Даже не просто хорошо, а очень надежно закрыты. Другими словами, снаружи через окно в номер не мог проникнуть никто. А если учесть, что закрыта была и дверь... Вот тут надо бы более основательно проверить.

Я подошел к Услану-второму с четвертью, прочно занявшему позицию рядом с дверью, и только хотел было задать интересующий меня вопрос, как он спросил первым:

– Это ты проводишь то, что называется «расследованием»?

– Вот именно, – сказал я.

– Я читал об этих «расследованиях», – сообщил мне хозяин гостиницы. – Жутко интересная штука. На моей планете такого не бывает.

– А что вы делаете, если кто-то нарушает закон? – спросил я. – Может, ты хочешь сказать, что у вас на планете законов не нарушают?

– Нет, конечно, нет, – взмахнув псеводоконечностями, сообщил Услан-второй с четвертью. – Еще как нарушают. Просто тот, кто нарушает закон, может скрыть это лишь до момента деления. Как только он отделяет от своего тела детей, те, для того чтобы не стать соучастниками его преступлений, сейчас же сообщают о них стражам порядка.

– А если они не сообщат? – спросил я.

– Тогда сообщат их дети. Или дети их детей. Короче, рано или поздно любое преступление становится известно стражам порядка. Поэтому чаще всего родители, для того чтобы дети не отвечали за их грехи, сами приказывают им сообщить о своих проступках стражам порядка.

– Понятно, – сказал я – Значит, у вас законность базируется на том, что любой родитель желает своим отпрыскам только добра?

– Вот именно.

– А что, если преступник не пожелает иметь детей? В таком случае он уйдет от наказания.

– Нет, – снова взмахнул псеводоконечностями владелец гостиницы. – Так не получится. Если кто-то вовремя не отделит от себя детей, то его масса слишком увеличится. А потом – еще и еще. Рано или поздно это вызовет подозрения. У вас, гуманоидов, говорят «подозрительное существо», у нас – «слишком большое». Понимаешь?

– Хорошая система, – сказал я. – Наверное, у вас на планете почти нет преступлений?

– Почему? Есть. Так же как и на многих других. Ничуть не меньше.

Я хотел было спросить, почему такое происходит, но передумал. Собственно, сейчас от меня требовалось не удовлетворять собственное праздное любопытство, а определить, как и почему умер человек, тело которого в данный момент лежало от меня в нескольких шагах.

Таким образом...

– Кстати, расскажи мне о двери в номер, – приказал я. – Она была заперта изнутри?

– Да, я уже говорил об этом.

– Я помню. И ключ был в замке, не давая открыть дверь?

– Да, именно так.

– И все-таки, не было ли возможности закрыть дверь таким образом, чтобы создать видимость...

– Я понимаю, что ты имеешь в виду. Нет, этого нельзя сделать, не оставив на двери следов. Заверяю тебя, прежде чем приказать взломать дверь, я ее внимательно осмотрел.

– И никаких следов?

– Никаких.

– Понятно, – сказал я.

Ну вот, классический вариант с запертой комнатой. Никто не входил, никто не выходил, а в комнате – труп. Либо федеральный агент и в самом деле совершил самоубийство, либо в комнату все же можно было войти, не взламывая дверь. Каким образом? Да самым простым. Откуда я знаю, что на

двери этого номера не было следов взлома? Только со слов хозяина гостиницы. Сам-то я этого не видел. И если представить, что хозяин гостиницы является сообщником убийцы, а то и самим убийцей...

Я покачал головой.

А смысл, а причины? Какой смысл этой гигантской сухопутной медузе убивать своего постояльца? Да еще и федерального агента? Нет, я тороплюсь с выводами. Не лучше ли еще раз осмотреть место происшествия?

Последняя мысль возникла у меня не случайно. Было у меня ощущение, что я еще что-то не увидел, возможно, не связал воедино какие-то факты. И почему-то каким-то боком сюда был пристегнут этот упавший стул. Может, он задевал меня тем, что никак не вязался с образом Александра Хозда, который я нарисовал себе на основе осмотра остальных его вещей?

Судя по всему, федеральный агент был аскетом и педантом. Вещей у него оказалось немного, и все они были разложены в строгом порядке. Каждая находилась на своем месте.

Мебель в комнатах...

Ах да, стул...

Хм... стул?..

– После того как взломали дверь, – спросил я, – ты ничего не трогал в номере?

– Нет, – ответил Улсан-второй с четвертью.

– И вот этот стул?

– Да, он лежал на полу. Я обратил на него внимание, поскольку это был непорядок. Я вижу непорядок и его не люблю.

Я кивнул.

Понятно, значит, стул все-таки уронил самоубийца. И, несмотря на весь свой педантизм, так и оставил лежать. А должен был поставить на ножки. Почему? Может, потому, что уронил его буквально за несколько секунд до смерти? И, в общем-то, это даже допустимо. Как каждый, собирающийся подвести последний баланс, он был прилично не в себе. Но все-таки... К чему такая спешка?

Я попытался представить, как Александр Хозда натывается на стул и, даже не удосужившись его поднять, выходит в центр комнаты для того, чтобы садануть себе в грудь из скримера...

Нет, так не бывает, не верю. Такие педанты, каким являлся федеральный агент, ставят на место опрокинутый стул просто автоматически, не задумываясь. Это потребность их натуры, многолетняя привычка к порядку.

Я крикнул и потер лоб.

Что-то я упускаю, что-то ускользает от моего внимания. Что именно, вот вопрос?

Итак, начнем сначала. У меня пока нет никаких фактов, но мне почему-то не верится, что самоубийца мог не поднять опрокинутый им же стул. Что это означает? Да ничего. Или – почти ничего. Мелочь, на которую не стоит обращать вни-

мания, ничуть не влияющая на картину самоубийства.

Впрочем, почему это она на нее не влияет? Если подумать, то опрокинутый стул никак не складывается с образом мыслящего, решившегося покончить счеты с жизнью, медленно, почти спокойно вышедшего на середину комнаты, словно актер, готовящийся произнести коронный монолог разыгрываемой им драмы... Нет, с этой картиной упавший стул никак не гармонирует. Вот если предположить, что самоубийца вдруг резко, по дороге опрокинув стул, прыгнул на середину комнаты, выхватил скример и направил его ствол себе в грудь...

Стоп!

Я с воодушевлением щелкнул пальцами.

А ведь что-то в этом есть! При такой трактовке самоубийства упавший и не поднятый стул вполне объясним. Вот только общая картина становится совершенно абсурдной. К чему такая спешка? Она может быть объяснима только в том случае, если Александру Хозда могли помешать совершить задуманное. Однако этого не было? Кто и каким образом мог ему помешать?

И все же...

Я задумчиво посмотрел в сторону ближайшего окна.

Да нет, проверено и совершенно точно установлено, что окна были закрыты изнутри. Значит, через них никто в комнату проникнуть не мог. Но как-то не складывался у меня в голове образ федерального агента, выхватывающего скри-

мер и опрометью бросающегося на середину комнаты для того, чтобы совершить самоубийство. К чему такая спешка? Вот если бы он готовился не к самоубийству, а, наоборот, пытался защитить свою жизнь... если бы он видел поблизости врага, или хотя бы знал о том, что он где-то рядом...

Видел врага...

Я двинулся к ближайшему окну, осторожно его открыл и, выглянув наружу, обнаружил то, что и рассчитывал увидеть. Козырек. Он проходил под окном и был достаточно широк, чтобы по нему мог запросто пройти человек средней комплекции. Кстати, и прошел. Причем совсем недавно.

Я определил это по тому, что с одной стороны, справа, козырек был покрыт пылью и яркими, смахивающими на крохотные спасательные модули биокорабля семенами какого-то местного растения. А вот слева пыли и семян было значительно меньше. Причем граница между этими так отличающимися друг от друга половинами козырька проходила точно под тем окном, из которого я выглядывал. Это могло означать только одно.

Не так давно некто выбрался из окна своего номера на козырек и, пройдя по нему до этого окна, вернулся обратно. Это могло произойти, например, уже после того как федеральный агент свел счеты с жизнью. В таком случае становится ясно, почему любитель разгуливать по карнизам не рискнул взломать окно и проникнуть в комнату. Он увидел труп и не захотел оставлять следов.

Причем я могу признать, что это довольно мудрый поступок.

Однако одновременно с этим у меня в голове маячила некая картинка. Вот жилец соседнего номера выбирается на козырек, вот он идет к окну номера Александра Хозда и вдруг попадаетея ему на глаза. Что делает федеральный агент? Он выхватывает скример и, опрокинув стул, бросается к окну.

Логично? Вполне.

Что дальше? А вот дальше происходит нечто непонятное. Вместо того чтобы выстрелить в того, кто посягает на неприкосновенность его жилища, Александр Хозда стреляет в себя. Почему? И как это могло произойти?

Я еще раз прокрутил у себя в голове картинку-реконструкцию происшедших в этом номере событий.

А что, если все было не совсем так? Вот федеральный агент замечает за окном неизвестного мыслящего, выхватывает скример, бросается к окну и, по дороге налетев на стул, случайно нажимает на курок. Причем каким-то образом как раз в этот момент ствол скримера смотрит ему в грудь.

Нет, конечно, картина получается вполне складная, и в нее даже можно было бы поверить, если бы убитым оказался кто угодно, но только не федеральный агент. Не мог человек с подобной выучкой допустить такую неосторожность. Случайно застрелиться из собственного скримера?

Бред. Полный бред.

Осторожно закрыв окно, я подошел к Услану-второму с четвертью, все так же находившемуся у двери, и спросил:

– Кто занимает соседний номер, тот, что слева?

Хозяин гостиницы сделал какой-то замысловатый жест своими псевдоконечностями, значения которого я не знал, и ответил:

– Постоялец по имени Кроун-ар-зоп. Он – ирмурянин.

Спокойствие, вот только спокойствие.

Да, конечно, совпадение в высшей степени странное. Тот самый мыслящий, который совсем недавно пытался меня убить, оказывается, скорее всего, еще и присутствовал при смерти федерального агента.

Причем я употребляю термин «присутствовал» лишь потому, что у меня нет доказательств того, что он не служил ее причиной. Но где-то в глубине души я в этом почти уверен.

Каким именно образом ирмуриянин умудрился сделать так, что Александр Хозда саданул себе в грудь из собственного оружия, у меня не было ни малейшего понятия, но зато существовала интуитивная уверенность, что рано или поздно это выяснится.

Как говорит Мараск, нет ничего тайного, что бы с течением времени не стало явным.

А пока... А пока, памятуя об отсутствии каких бы то ни было доказательств, я всего лишь приму кое-какие меры предосторожности. Конечно, не выходя из рамок закона планеты Бриллиантовой.

– Мне хотелось бы с ним поговорить, – сообщил я хозяину гостиницы.

– С ирмуриянином? – уточнил тот.

– С кем же еще?

– Мне кажется, он покинул свой номер. Хотя не мешало бы проверить.

Не дожидаясь, когда Улсан-второй с четвертью раскочегарится, я прошел к двери номера ирмурянина и громко в нее постучал.

Никакого эффекта.

Постучав еще раз и получив тот же результат, я подумал, что отсутствие ирмурянина, возможно, дает мне кое-какие возможности. Да, действительно, я не смогу ему прямо сейчас задать несколько весьма серьезно меня интересующих вопросов. Но, с другой стороны, кто мешает мне устроить осмотр его комнаты в отсутствие хозяина? Иногда подобные действия приносят совершенно неожиданные результаты. Вот только удастся ли мне уговорить хозяина гостиницы?

Я взглянул на Улсана-второго с четвертью, как раз в этот момент сократившего расстояние между нами до пары шагов. На то, что он разрешит совершить обыск номера в отсутствие его жильца, надежда была не очень большая. Однако попробовать все-таки стоило.

– Очевидно, – промолвил я, – твоего постояльца нет в номере.

– Очевидно, – словно эхо повторил Улсан-второй с четвертью.

– А может, он в номере и не отзывается потому, что ему стало плохо?

– Нет, это не может быть.

– Почему?

– Потому что я сам видел, как он уходил. И до сих пор еще не вернулся.

– А что, если...

– У тебя есть для этого законные основания?

– Ни малейших, – решив идти напролом, заявил я.

– Тогда в чем дело? Неужели ты считаешь, что я пойду на прямое нарушение закона и тем самым поставлю на карту благополучие своего заведения? Кто из мыслящих рискнет остановиться в гостинице, хозяин которой запросто разрешает любому желающему проинспектировать принадлежащий ему номер?

Я ухмыльнулся.

Ну вот, тут он и попался. Сейчас, стоит мне только цепиться к словам «любой желающий», сделать вид, будто я ими обижен, и для того, чтобы окончательно не испортить со мной отношения, хозяин гостиницы вынужден будет вручить мне ключ от комнаты ирмуриянина. После чего я ее осмотрю и, возможно, обнаружу в ней какие-то доказательства причастности подозреваемого к смерти федерального агента... Однако, скорее всего, ничего особенного я в ней не увижу. А хозяин гостиницы сделает вывод, что лично для меня тот самый закон, соблюдение которого я должен контролировать, не имеет никакого значения. И вот тут... Ну да, совершенно ясно, что вот тут и будет начало моего падения в бездну беззакония. Первый в нее шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.